

НАИЯ ^{изъ} ДЖУНГЛЕЙ

Г. ГАСЕНКО

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ УКРАИНСКАГО
ГЛЪБОА АЛЕКСЪЕВА

Г. Гасенко

НАИЯ ИЗЪ ДЖУНГЛЕЙ.

Разказы

Авторизованный переводъ съ украинскаго
ГЛЪБА АЛЕКСЪЕВА.

Съ рисунками въ краскахъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЛЬГА ДЪЯКОВА и Ко.
ВЪ БЕРЛИНЪ.

Всѣ права сохранены за авторомъ.
Alle Rechte vorbehalten.

Типографія I. ВИЗИКЕ
Бранденбургъ на Гавелъ

Предлагая маленькому русскому читателю сборникъ разсказовъ украинскаго писателя Георгія Гасенко, я хочу сказать нѣсколько словъ, — почему я счелъ нужнымъ перевести и выпустить эту книгу.

Вся наша литература поднялась на какой то рубежъ, дѣтская въ особенности. Сказки няни въ полутемной дѣтской, сказки Гримма, сказки Афанасьева для насъ, выросставшихъ еще безъ аэроплановъ, электричества и радіо-станцій, были первыми ступенями, которыми мы поднимались въ жизнь. За ними — приходили Жюль Вернъ, Фениморъ Куперъ и Майнъ Ридъ, волновавшіе дѣтскую фантазію.

Но вмѣстѣ съ нами росла и жизнь. Подводные корабли, летательныя машины выдумщиковъ — обогнали въ самой жизни аэропланы, летающіе черезъ Сахару и океанъ, подводныя лодки, мчащія безъ отдыха изъ Лондона въ Нью-Йоркъ, а чудеса Кюри и Эйнштейна перевернули нашъ взрослый міръ съ такой стеремительностью, съ какой не переворачивался дѣтскій міръ ни Жюль Верномъ, ни Куперомъ.

Такимъ образомъ наше время приблизило сказку къ дѣйствительности, еще вѣрнѣе дѣйствительность къ сказкѣ. Выросъ въ нашихъ глазахъ и животный міръ. Для ребенка, узнавашаго отъ Джека Лондона о переживаніяхъ голоднаго волка, слышавшаго отъ Редьярда Киплина о томъ, какъ тигры выходятъ на охоту, какъ слоны ревутъ на водопоѣ, львы — царственнымъ рыкомъ потрясаютъ пустыню, — развѣ убѣдительно теперь сказки о какомъ нибудь захудаломъ волкѣ, приморозившемъ хвостъ къ проруби, чтобы наловить рыбы? Конечно, не убѣдительно, потому что въ нихъ нѣтъ житейской правды.

Въ иностранной литературѣ это приближеніе сказочнаго животнаго міра къ реальной жизни дѣлали Лондонъ и Киплингъ, подчасъ противорѣчившіе даже устоявшимся понятіямъ народныхъ сказокъ своихъ государствъ.

Въ славянской литературѣ этотъ пробѣлъ пытается заполнить Георгій Гасенко съ его живыми звѣрями, понятными и близкими намъ ихъ переживаніями. Герои его рассказовъ: волки, собаки, змѣи, черепахи, зайцы — не говорятъ, не совершаютъ сказочныхъ подвиговъ, не учатъ человека добру и справедливости — обычный мотивъ народныхъ сказокъ, но съ недостатками ихъ, съ привычками ихъ, подмѣченными глазомъ зоркаго натуралиста — они живутъ своей жизнью, писатель раскрываетъ подлинную ихъ психологію, построенную на данныхъ чистой науки, и оттого они близки намъ, что своимъ инстинктомъ жизни, ощущеніемъ ея живой, подчасъ жестокой правды — будятъ и въ насъ, сбитыхъ событіями послѣднихъ лѣтъ, жажду къ ея творческимъ законамъ и къ правдѣ, ея созидающей.

Этимъ, можетъ быть, и объясняется успѣхъ книжки Г. Гасенко, разошедшейся на украинскомъ языкѣ въ тысячахъ экземпляровъ и переведенной уже на многіе европейскіе языки.

Это соображеніе заставило и меня — предложить маленькому русскому читателю ея изданіе въ русскомъ переводѣ. А можетъ быть и взрослый ее прочтетъ не безъ интереса.

Берлинъ, 1922 года.

Глѣбъ Алексѣевъ.

Найя изъ Джунглей.

— Какое могучее тѣло!

— Это *Naja tripudians**) — ядовитѣйшая змѣя Индіи.

Кобра приподняла голову и посмотрѣла сквозь одну изъ стеклянныхъ стѣнокъ своей клѣтки.

Передъ нею стояло двое изъ тѣхъ созданий, которыхъ ненавидѣла она всѣмъ своимъ существомъ.

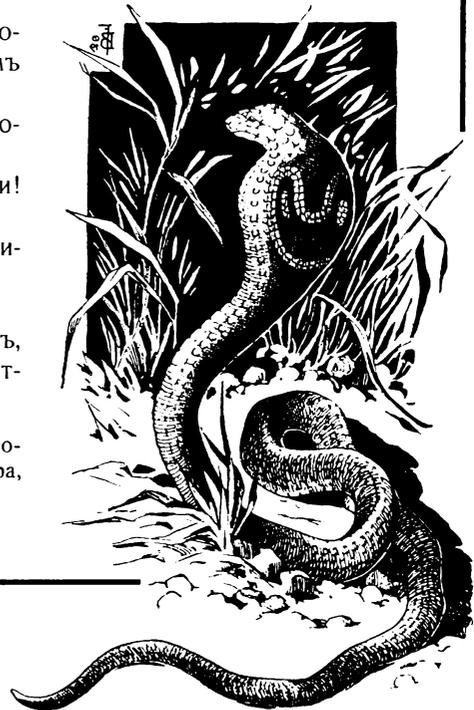
Они стояли, переговаривались, съ любопытствомъ ее разглядывали.

О, какими отвратительными они были! Эти боязливые, подлые люди . . .

Съ какимъ наслажденіемъ она вцѣпилась бы зубами въ каждого изъ нихъ во всѣхъ

Она понемногу выпускала бы свой ядъ, съ восторгомъ упивалась бы ихъ предсмерт-

*) *Naja tripudians* — латинское названіе очковой змѣи, которая въ Индіи называется кобра, Найя или Нагъ.

ными конвульсіями, пока они, какъ ужаленныя мыши, вытянувшись по землѣ, въ корчахъ поводили бы всѣми своими членами.

Безпредѣльная злость захватила Найю и, угрожаючи, она поднялась на хвостѣ. Люди еще ближе подступили къ клѣткѣ и что то говорили. Кобра не понимала ихъ рѣчи, ея глаза расширились, шея раздулась — такъ была она ослѣплена ненавистью.

— Проклятые, — казалось, шипѣла она, когда-бъ въ джунгляхъ осмѣлились вы такъ глумиться надо мною? О! тогда-бъ ни одинъ изъ васъ не ушелъ живымъ . . .

Одинъ изъ людей прислонилъ свое лицо къ стеклу. Злость Найи достигла высшихъ предѣловъ, и съ безумнымъ шипѣньемъ она бросилась на него.

Люди въ ужасѣ отскочили.

Жестокій ударъ головою въ стекло образумилъ Найю и заставилъ вспомнить, что она въ неволѣ.

Гнѣвъ ея тотчасъ затихъ и, вся обезсиленная, она медленно опустилась на дно своей стеклянной тюрьмы.

Люди ушли.

Найя лежала и думала.

Она привыкла думать за долгіе-долгіе часы своей неволи.

Дни и ночи лежала она, припоминая всѣ событія и подробности своего, когда — то вольнаго, житія подъ привѣтливымъ небомъ родного края.

Тамъ жила она въ развалинахъ стараго индійскаго храма, полуразрушенныя стѣны котораго, повитыя ползучими плющами, ліанами и дикимъ виноградомъ — гордо выносились надъ роскошной природой джунглей.

И ласковое солнце родной земли баюкало ее горячими лучами, когда послѣ сытнаго обѣда она вылѣ — зала погрѣться на плиты.

Недалекъ журчалъ ручеекъ. Вода текла широкой полосой, навѣвая холодокъ.

И такъ лежала она, пока солнце въ послѣдній разъ не цѣловало верхушекъ деревьевъ желтымъ своимъ, горячимъ поцѣлуемъ, пока развалины храма не обливались кровью заката, не замолкали обезьяны.

Тогда Найя выползала изъ храма и безшумно скользила по травѣ.

Ни ревъ тигра — короля джунглей, выходившаго на добычу, ни плачъ волковъ не пугали ее. Она считала себя равной съ тигромъ. А кто бы посмѣлъ думать иначе?

Вы слышите пискъ?

Это сонный тушканчикъ*) вскрикнулъ передъ смертью, почувявъ стальные объятія кобры. Онъ пытается вырваться и спастись, но могучія кольца крѣпко сжимаютъ его, ядъ разбѣгается по венамъ, и скоро дрожащее тѣльце маленькаго звѣрька совсѣмъ перестанетъ биться.

Тогда кобра начинаетъ глотать его.

Насытившись, она ползетъ отдохнуть.

И горе тому, кто потревожитъ ее на покоѣ!

Съ яростной отвагой бросается она на смѣльчака, кто-бъ онъ ни былъ, и желтый ядъ отъ злости капаетъ съ ея зубовъ, готовый влиться въ кровь врага и заставить его смолкнуть навѣки.

Найя снова подняла голову и съ ненавистью оглядѣла свою тюрьму.

О, она помнитъ, какъ она попала въ нее! Она хорошо это помнитъ.

*) *Alagtaga decumana*.

Это было давно, давно.
Уже шестую кожу успѣла она сбросить въ плѣну.

Будь проклятъ тотъ день, когда захотѣла она покинуть храмъ и поселиться внизу, у рѣки.

Ее соблазняла богатая добыча въ камышахъ.

Однажды вечеромъ отправилась она въ путь.

Тихо проползала въ травѣ и къ восходу солнца достигла рѣки.

Такъ началась жизнь въ камышахъ.

Наѣвшись десяткомъ мышей, Найя выползала на солнце и дремала подѣ легкой шумѣ вѣтерка, свившись въ клубокъ, на большомъ камнѣ у самаго берега.

Солнце припекало ее; Найя чувствовала себя счастливою въ этотъ послѣдній день въ родномъ краю, въ этотъ послѣдній свободный день.

Вдругъ послышался всплескъ воды, и едва она подняла голову, какъ что то сильно ударило ее сверху

Опомнилась она въ маленькомъ, тѣсномъ и душномъ ящикѣ.

Вокругъ что то гудѣло, ее куда то несли, ставили, трясли — она лежала и ничего не могла понять.

Потомъ ее бросили сюда — въ стеклянную клѣтку.

И только тутъ она поняла, что никогда больше не увидитъ родной своей земли, никогда не почуветъ воли... никогда... никогда!...

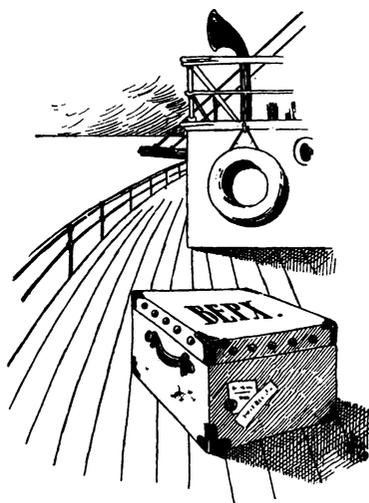
И все это сдѣлали они, эти люди, эти гадкіе насильники; они напали на нее въ часъ сна. Что — жъ не подошли они, когда она бодрствовала?

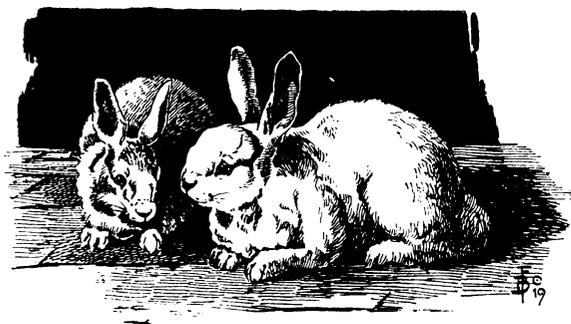
О, она сумѣла бы умереть!

А теперь?

Она закрыла глаза и вновь унеслась мечтой туда... домой...

Ее потревожили — принесли ѣсть. Въ клѣтку впустили двухъ кроликовъ. Бѣдные звѣрки прятались одинъ за другого, страшась, чтобъ Кобра не запримѣтила ихъ.

Но Найя не подымала головы: она боялась раскрыть очи.

Ей не хотѣлось различаться съ мечтами . . .

Палка надсмотрщика толкнула ее.

Найя поднялась.

При ея движеніи кролики забились; примѣтивъ звѣрей, она хотѣла ки-

нуться на нихъ, но не кинулась, а лишь медленно закачалась, поднявшись на хвостѣ.

— „Они никуда не могутъ убѣжать, они такіе же плѣнники и завтра, и послѣзавтра . . . и каждый день . . . и такъ безъ конца . . . Нѣтъ, на волю! Домой! Въ родимый край!“

Она начала плавно раскачиваться, словно танцевала танецъ смерти. Тѣло ея наклонялось взадъ и впередъ, все ускоряя темпъ, и вдругъ въ экстазѣ она впиалась зубами въ самое себя.

Судорожно извиваясь, упали стальные кольца на песокъ клѣтки; отравленные зубы Найи все еще рвали тѣло.

Наконецъ, она затихла.

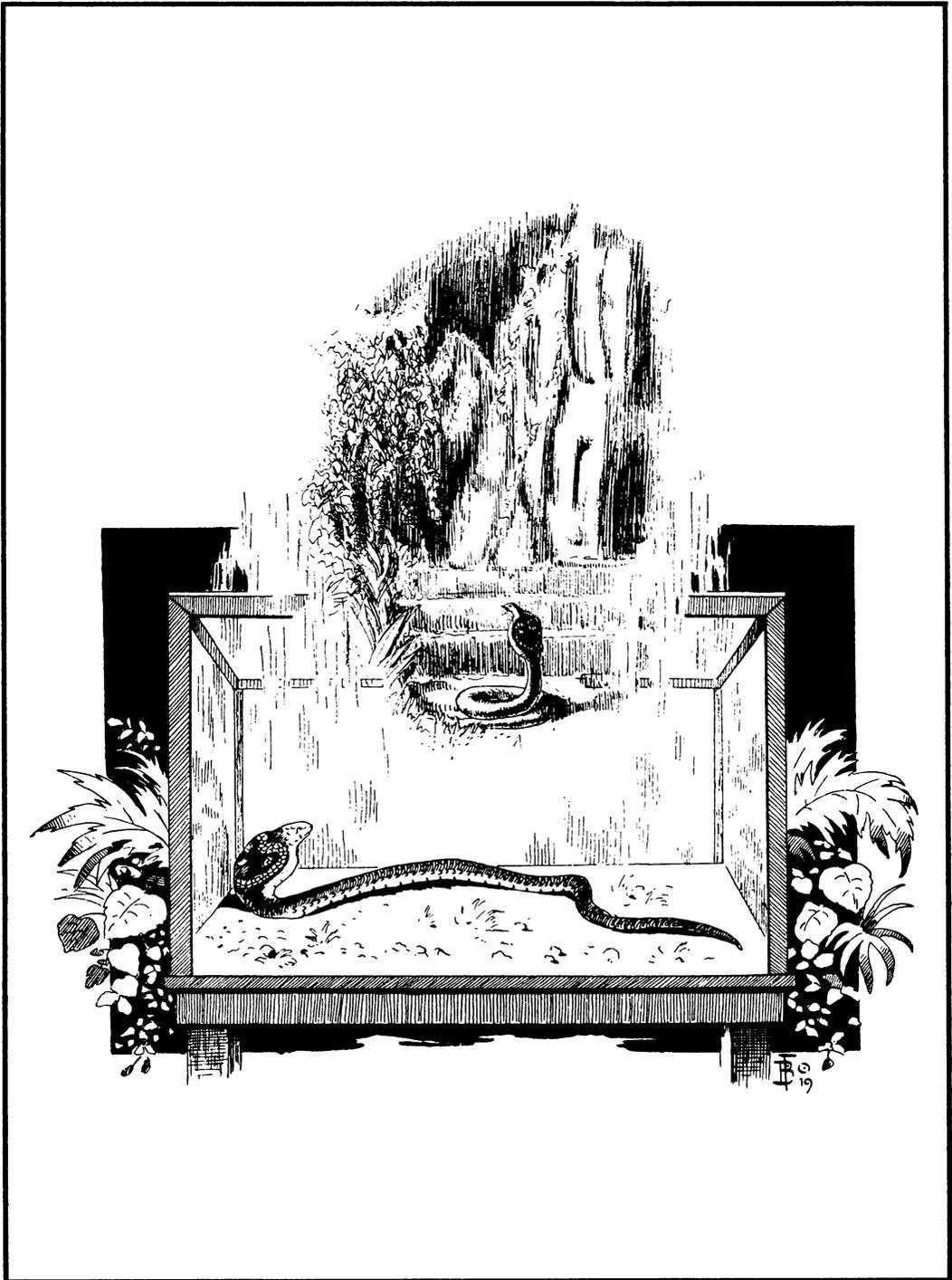
Погасающій ея взглядъ скользнулъ по клѣткѣ.

И вотъ стѣны клѣтки поплыли и вмѣсто стеколь — тамъ, на верху, увидѣла она сіяющее небо своей родины.

Вокругъ джунгли . . . храмъ . . . камыши шумятъ . . .

. . . Она вернулась домой.

Морское чудовище.

Разостлавъ по палубѣ свои продранные штаны, Фредъ Мартинъ уставился глазами на огромную дыру и задумался.

Приходилось выполнить совсѣмъ не легкую задачу.

Дыру требовалось залатать, иначе нечего было надѣть.

А дыра была настолько велика, что тяну-

лась по заду штановъ отъ одного кармана до другого.

Задачу можно было разрѣшить весьма просто: выбросить штаны прочь. Но Фредъ на этотъ счетъ былъ нѣсколько иного мнѣнія!

Раздумывалъ онъ долго, рѣшительно не обращая вниманія, что сзади его уже минутъ десять пыхтѣлъ съ трубкою въ зубахъ старый Редтонъ, ожидавшій результатовъ этого чрезвычайно глубокаго размышленія.

Замѣтивъ Редтона въ ожидательной позѣ около Мартина, одинъ за другимъ стали подходить и другіе матросы — сборъ всякихъ національностей, какой бывалъ на каждомъ порядочномъ американскомъ суднѣ.

Первымъ подбѣжалъ самый любопытный — юнга Чезаре, потомъ шведъ Олафъ Хензенъ, испанецъ Фернандо Черилльо, за ними Фридрихъ Шварцъ — нѣмецъ, Эдуардъ Стернъ — англичанинъ, и еще два американца, а подъ конецъ показалась изъ люка*) голова самого

*) Люкъ — вырѣзъ въ палубѣ для входа, выхода и нагрузки.

Джо Ковля, или, какъ звали его восемнадцать лѣтъ назадъ въ Кобелякахъ, Осипа Коваля.

Джо выволокъ свое толстое туловище изъ люка, и, покачиваясь какъ утка, подплыль къ группѣ, окружавшей Фреда Мартина.

Но Фредъ будто окаменѣлъ и даже не взглянулъ на товарищей.

Всѣ молчали, едва удерживаясь отъ смѣха.

Наконецъ, Джо прервалъ молчаніе.

— Слушай, Фредъ. Та дырка, изъ за которой когда-то пошелъ на дно „Линкольнъ“, была, ей Богу, много меньше этой, сказалъ онъ, указывая пальцемъ на разорванные штаны.

Могучій хохотъ покрылъ его слова.

— Дай ему, Джо, цѣлый брамсель*), по-совѣтоваль кто то, когда хохотъ поулегся, — пусть сидитъ и шьетъ, если не хочетъ подарить Цезаре на половья тряпки.

— Да на такую пасть ему и грота**) мало пробубнилъ въ отвѣтъ Джо.

Фредъ, однако, молчалъ и лишь переминался съ ноги на ногу.

— Ну, если ты не хочешь разстаться съ этакимъ добромъ, предложилъ снова Джо, — идемъ, въ самомъ дѣлѣ, я дамъ тебѣ лоскутъ стараго крьюсь — бомъ — брамселя***), нашьешь и все. Довольно ломать голову надъ глупостью.

Мартинъ почесалъ затылокъ, но все же послушно подъ общій смѣхъ пошелъ за Ковлемъ.

Минуть пятнадцать спустя, онъ уже сидѣлъ подъ фокъ-мачтой†) и шилъ.

Палило солнце, и, если бы не маленькій нордъ-остъ††), трудно было бы людямъ вынести жару. Всѣ

*) Брамсель — третій снизу парусъ.

**) Гротъ — на трехмачтовомъ кораблѣ большой нижней парусъ средней мачты.

***) Крьюсь—бомъ—брамсель — брамсель задней мачты.

†) Фокъ-мачта — передняя мачта.

††) Нордъ-остъ — сѣверо-восточный вѣтеръ.

металлическія части „Каледоніи“ нагрѣлись до того, что къ нимъ едва можно было притронуться рукой.

Большой парусный трехмачтовый корабль „Каледонія“ везъ изъ Монтевидео въ Гамбургъ нѣсколько сотъ боченковъ ванили и сейчасъ находился на 16° сѣверной широты и 24° западной долготы въ Атлантическомъ океанѣ.

Опредѣляя сегодня въ полдень мѣсто, гдѣ шла „Каледонія“, штурманъ Кренсъ поздравилъ команду съ землею, объявивъ, что къ вечеру будутъ видны острова Зеленаго Мыса.

Чезаре тотчасъ же приладилъ себѣ на самомъ верху гротъ-мачты сидѣнье, чтобы первому увидѣть долгожданную твердь и получить за это отъ капитана чарку водки и долларъ: давній обычай на всѣхъ корабляхъ.

Близость земли послѣ долгаго перехода тотчасъ отразилась на всемъ населеніи судна. Начались веселые разговоры, посыпались шутки, загремѣлъ смѣхъ — въ этотъ моментъ хладнокровный Фредъ взялся зашивать свои несчастные штаны.

Шилъ онъ съ усердіемъ, однимъ ухомъ все же прислушиваясь къ долетавшимъ съ бака*) разговорамъ.

Зайдя отъ солнца подъ навѣсъ, Эдуардъ Стернъ рассказывалъ всей компаніи про необычайное упрямство квакеров**), рассказывалъ нарочно громко, чтобъ слышалъ Фредъ, который къ этой сектѣ принадлежалъ.

*) Бакъ — часть верхней палубы корабля отъ фокъ мачты до носа.

**) Квакеръ (англ. quakers — дрыгуны) — религиозная секта въ Англии, основанная Джоржемъ Фоксомъ въ 1649 году. Не признаетъ церковныхъ обрядовъ и пѣнопѣній, иконъ, присяги, войсковой службы, развлеченій, ведетъ суровый образъ жизни.

— Знаете ли, что случилось разъ въ Лондонѣ, — доносилось съ бака, — на одной весьма узкой улицѣ встрѣтились съ возами квакеръ и лютеранинъ. Каждый изъ нихъ ждалъ, чтобъ другой отодвинулся назадъ, но ни одинъ не хотѣлъ уступить. Лютеранинъ — человѣкъ рѣшительный, остановилъ коня, кинулъ ему на шею уздечку, скрестилъ руки на груди и сказалъ:

— Хочется мнѣ теперь посмотрѣть, кто уступить?

Квакеръ натянулъ свою шляпу на самые глаза, выступилъ впередъ и отвѣтилъ:

— Я — здѣсь, здѣсь и останусь.

Потомъ оба упрямо и стойко принялись ждать. Лютеранинъ вытащилъ кремень, выбилъ огонь и закурилъ сигару. Квакеръ запалилъ трубку и принялся ее курить съ величіемъ и хладнокровіемъ турецкаго паши.

Вынулъ тутъ лютеранинъ изъ кармана газету, величиной съ хорошую скатерть, и началъ ее читать, кажется, съ такимъ намѣреніемъ, чтобы не пропустить ни одного слова.

Почиталъ онъ такъ нѣсколько минутъ — окликнулъ его квакеръ и говоритъ:

— Милостивый государь, не будете ли вы такъ любезны дать мнѣ газету, когда дочитаете ее до конца?

— Я больше не могу! — вскрикнулъ лютеранинъ, этотъ квакеръ собирается ждать тутъ до утра.

И онъ подался со своимъ возомъ назадъ, а квакеръ спокойненько поѣхалъ себѣ впередъ. . .*)

Мартинъ не сдержался, чтобы не ухмыльнуться, слышавъ взрывъ смѣха слушателей Стерна.

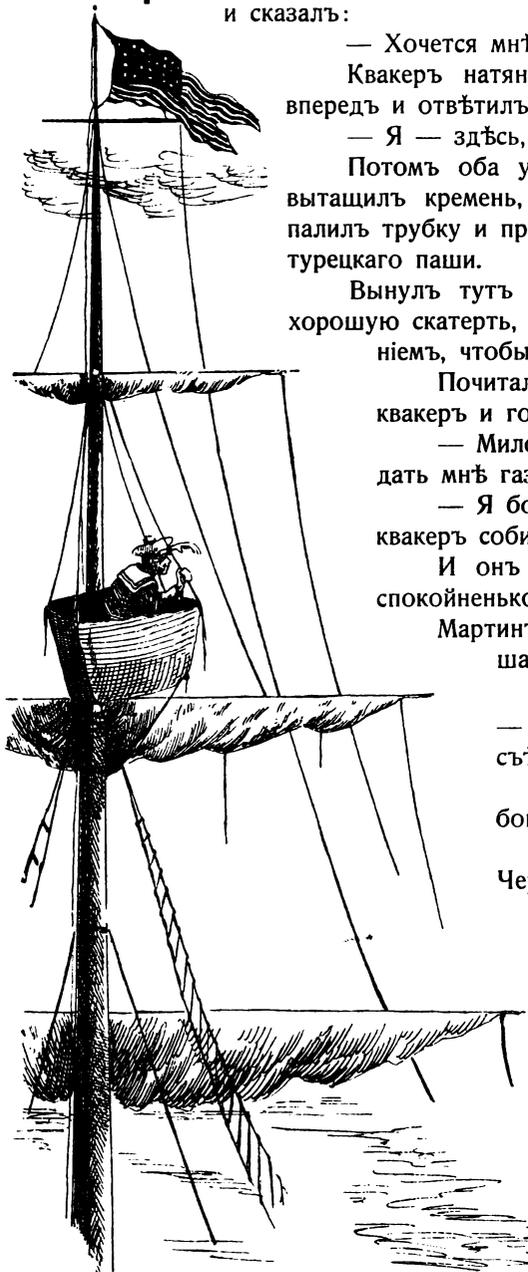
— Ей Богу, вѣроятно, это былъ нашъ Фредъ, — захохоталъ Черилльо, чтобъ мнѣ сегодня акулу**) съѣсть, если я ошибаюсь!

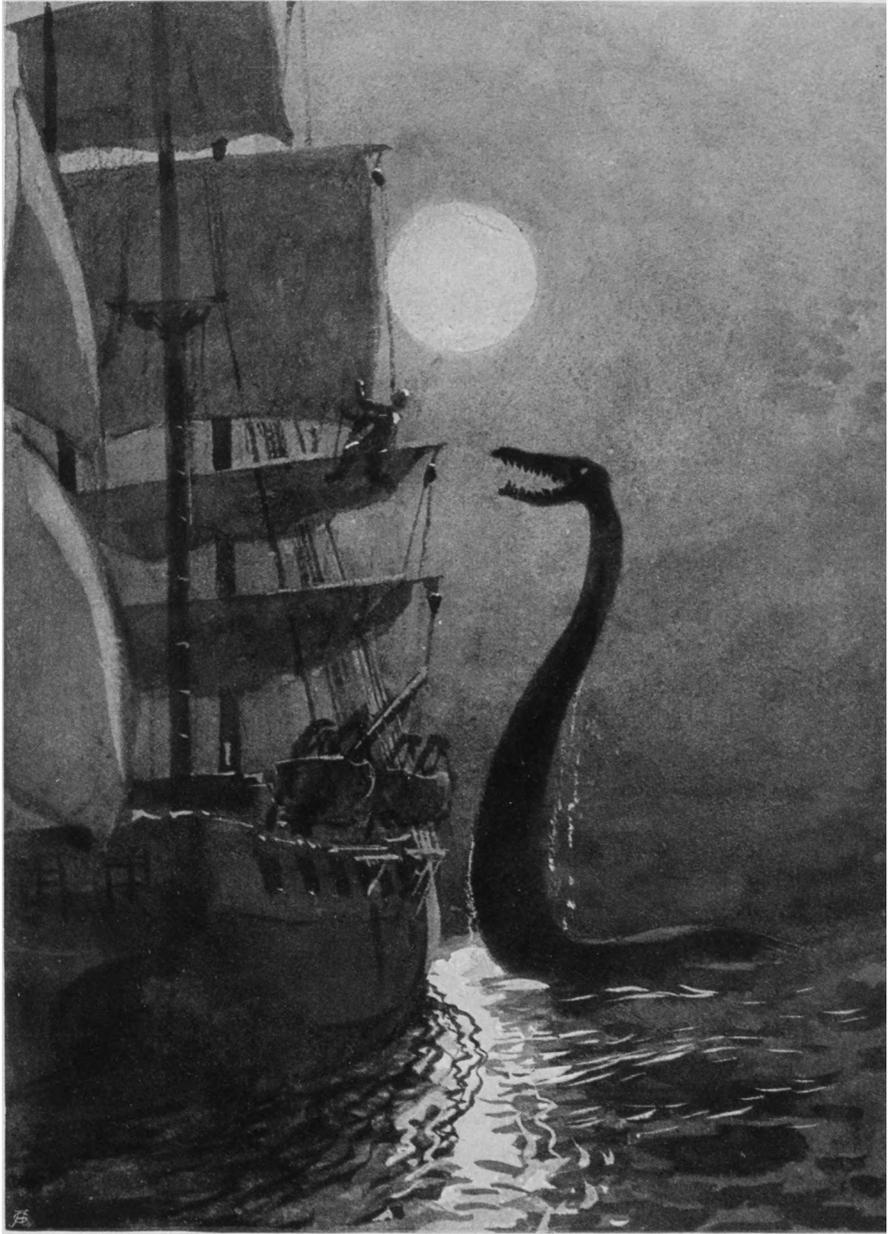
— И съѣшь, нечестивый католикъ! — пробу- бонилъ Фредъ.

Смѣхъ затихъ. На бакѣ рассказывалъ Черилльо.

*) Старый англійскій анекдотъ объ упрямствѣ квакеро́въ.

**) Акулы — морская рыба (Squalidae & Selachioidei), около 160 типовъ по всѣмъ морямъ, очень длинны, достигаютъ величины до 16 метровъ (напр. Rhinodon turicus). Вытянутое тѣло. Во рту множество острыхъ зубовъ. Небезопасны для людей.

— Каждый годъ ѣздилъ нѣкій мужикъ на ярмарку и каждый годъ доводилось ему проѣзжать мимо дѣтскаго приюта, гдѣ воспитывались бѣдные дѣти.

Каждый разъ онъ видѣлъ, какъ дѣти въ одинаковыхъ темныхъ платьяхъ играли между собой.

Въ нѣкій день, подвыпившій, ѣдетъ онъ мимо, увидѣлъ дѣтей и говоритъ:

— Вотъ, чертовы дѣти! Двадцать лѣтъ тутъ ѣзжу и хоть бы они тебѣ на палецъ подросли! Какъ бы . . .

— Лодка право за бортомъ, закричалъ съ мачты тоненькій голосокъ.

Всѣ повскали съ мѣстъ и кинулись къ бортамъ. Фредъ отложилъ свое шитье и, чтобы получше разглядѣть, полѣзъ прямо на фокъ-мачту, подъ которой сидѣлъ.

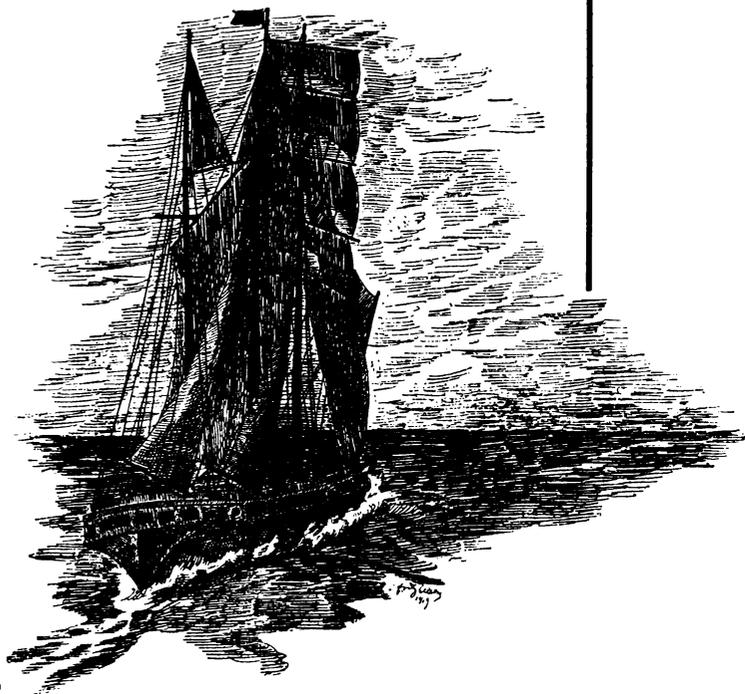
Цезаре, выглядывавшій изъ своего сидѣнья землю, дѣйствительно не ошибся. Направо, саженой двѣсти отъ корабля, на водѣ плавало, что то похожее на большую перевернутую лодку.

— Тихій ходъ, право! — скомандовалъ капитанъ. „Каледонія“ осторожно двинулась прямо на плававшій предметъ.

Полупотопленная лодка, посреди океана, далеко отъ земли — вѣрный знакъ какой либо новой корабельной катастрофы, которая стоила, можетъ быть, многихъ человѣческихъ жертвъ.

Нерѣдко случается на морѣ найти залитую водой шлюпку*) безъ весель, въ ней лежатъ лицомъ вверхъ люди, уже посинѣлые и одубѣвшіе, съ руками, скрюченными агоніей, съ глазами, вылѣзшими изъ орбитъ. Мука и страданье написано на ихъ лицахъ и, хороня такіе трупы въ океанѣ, никто не вѣдаетъ, что за люди то были, откуда пришли, на какомъ кораблѣ и отчего погибли? Какіе либо документы рѣдко уцѣлѣваютъ въ подобныхъ случаяхъ; чаще, вода сноситъ и уничтожаетъ все .

*) Шлюпка — чолнъ, обслуживающій связь корабля съ берегомъ.

Такъ и теперь.

Команда съ нетерпѣніемъ поджидала, пока „Каледонія“ подойдет поближе, чтобы можно было разглядѣть яснѣе.

Солнце зашло уже больше четверти часа, ночь въ тѣхъ широтахъ наступаетъ стремительно быстро.

Стемнѣло.

Виднѣлось что то черное, выступающее изъ воды горбомъ, а лодка ли то, перевернутый ли кузовъ какого либо корабля — можно ли разобрать?

Когда до темнаго предмета оставалось саженой съ тридцать, капитанъ крикнулъ:

— Стопъ!

Машина застопорила.

„Каледонія“, вздрогнувъ всѣмъ стальнымъ тѣломъ своимъ, прошла еще съ десять саженой и подвигалась потомъ лишь по инерціи — едва примѣтно.

Всѣ напрягали глаза, чтобъ разглядѣть невѣдомую находку; высказывали разныя предположенія, а кто то даже предложилъ капитану спустить шлюпку и, подплывъ ближе къ опрокинутой лодкѣ, освѣдомиться, нѣтъ ли тамъ людей?

Капитанъ сперва отказывался, но любопытство взяло верхъ и онъ приказалъ:

— Готовся къ спуску!

Хензенъ и Шварцъ занялись шлюпкой и съ помощью Черилльо уже на половину спустили ее на воду, какъ вдругъ съ гротъ-мачты, гдѣ сидѣлъ Цезаре, послышался крикъ:

— Santa Madonna! Этотъ челнъ движется! Плыветъ сюда!

Сверху фока Фредъ взволнованнымъ голосомъ тоже выкрикивалъ:

— Я слышу, что то сопить. Тамъ кто то есть! Приближается...

Гомонъ сразу утихъ.

Хензенъ и Шварцъ оставили шлюпку и тоже прислушивались, всматриваясь въ таинственный предметъ.

Черезъ минуту всѣмъ стало ясно, что лодка дѣйствительно ворочается и подвигается къ кормѣ*) „Каледоніи“. Темная громадная масса напоминала огромную подводную лодку, которая выплыла на верхъ, чтобы набрать свѣжаго воздуха. Такое предположеніе и высказалъ кто то, но Джо обругалъ догадчика дуракомъ и пообѣщалъ и ему и его дѣтямъ и всѣмъ родственникамъ его кое что весьма неприятное за такое „идіотское“ предположеніе.

*) Корма — задняя часть судна.

— А гдѣ мо-
стикъ? Гдѣ иллюминаторы?*)
Гдѣ перископъ?**) —
чортовъ палець!
— спрашивалъ Ковль
Эдуарда Стерна (это
онъ „догадался“), и
прикрашивалъ свои
вопросы такими „ху-
дожественными“ сло-
вечками, что ихъ и
передать нельзя.

Стернъ и самъ
былъ не радъ, что
ротъ открылъ.

— Молчать!,
крикнулъ капитанъ,
ишь, загудѣло ста-
рое рѣшето . . .

Джо примолкъ,
смѣривъ Стерна уни-
чтожающимъ взгля-
домъ.

Когда шумъ отъ
разговора улегся и
стало вновь тихо, —
всѣ услышали совер-
шенно ясное храпѣ-
нье, словно сопѣлъ
разсерженный мед-
вѣдь, котораго вы-
гнали изъ логовища
и окружили собаками.

*) Иллюминаторы
— окна на суднѣ.

**) Перископъ —
„око“ подводной лодки
въ формѣ трубы, его
лодка держитъ надъ
водою.

Десять саженей отдѣляло „Каледонію“ отъ встрѣченнаго по дорогѣ таинственнаго „чего-то“, и это „что то“ даже теперь, вблизи, нельзя было распознать.

Волненіе росло.

Сдерживая дыханіе, вглядывались люди въ вечерніе сумерки. — Что же это такое?

Темный предметъ подплывалъ ближе.

Еще минута, двѣ . . .

Страшный крикъ прорѣзалъ воздухъ и ударилъ по нервамъ команды: — Живой звѣрь! Громадный, чудовищный звѣрь! Поднимаетъ голову, высовывается изъ воды! Ой!

Поблѣтвшій какъ снѣгъ, весь трясущійся, соскочилъ, а можетъ и свалился съ мачты, Чезаре, другіе застыли, какъ вкопанные.

Въ этотъ мигъ изъ воды со страшнымъ шипѣніемъ поднялась надъ бортомъ голова на длинной шеѣ какого то невѣдомаго громаднаго звѣря.

Перепуганные на смерть люди отпрянули отъ бортовъ и, крестясь, шептали молитвы.

Всѣ ощущали теперь страхъ, единый страхъ передъ лицомъ смерти.

Этому чудовищу ничто не препятствовало единымъ ударомъ спустить корабль на дно.

Величиною съ полъ „Каледоніи“ звѣрь — его теперь было ясно видно — имѣлъ необычайно длинную — саженей восемнадцать — шею, тѣло аршина въ четыре шириной, къ головѣ оно суживалось до полъ аршина; сама голова маленькая, какъ у гадюки, съ маленькими глазками. Шипѣнье его было до того сильно и гулко, что матросы, которымъ не разъ доводилось слышать гулъ выпускаемыхъ паровъ изъ машинъ въ 2—3 тысячи лошадиныхъ силъ, увѣряли потомъ, что сила звука отъ пара была ничто въ сравненіи съ шипѣніемъ этой гадины. Капитанъ въ шанцевомъ дневникѣ*) записалъ, что чудовище выглядывало, какъ доисторическій плезиозавръ мезозойской эпохи, только развѣ развѣ въ десять побольше.

Блѣдные, ошеломленные шипѣніемъ гадины, едва держась на ногахъ отъ страха, люди крѣпко уцѣпились руками за поручни и канаты — такъ боялись, что страшная гадина выберетъ когонибудь изъ нихъ, выветъ и унесетъ съ собою на дно океана.

Ляская огромными челюстями съ тройнымъ рядомъ острыхъ зубовъ, голова страшилища остановилась вровень съ сидящимъ на фокъ-мачтѣ Фредомъ и разглядывала его злыми, поблескивавшими глазами.

*) Шканцевой дневникъ — официальный дневникъ каждаго корабля.

Ужась охватилъ Фреда.

Въ головѣ у него помутилось, и онъ, накрѣпко охвативши мачту, могъ только крикнуть съ отчаяніемъ:

— Спасайте!

Но товарищи окаменѣли на своихъ мѣстахъ. Ни одинъ не смѣлъ шевельнуться, опасаясь, что страшилище обратитъ на него вниманіе. Каждый думалъ, что Фреду не спастись отъ широко раскрытой пасти чудовища и понапрасну не хотѣлъ рисковать своей жизнью.

Крикъ Фреда, видимо, разсердилъ невѣдомое морское чудовище и оно, ляскнувъ челюстями, схватило его . . .

Команда „Каледоніи“ вскрикнула, какъ одинъ человекъ.

Джо выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ голову гадины. Раздались страшное шипѣніе, грохотъ; сильный ударъ выхватилъ палубу изъ подъ ногъ и всѣ люди попадали.

Когда минуты черезъ двѣ Черилльо первый поднялъ голову — висѣвшей въ воздухѣ пасти чудовища уже не увидѣлъ. Подползши къ борту, онъ заглянулъ на море: гадина исчезла . . .

Понемногу всѣ пришли въ себя.

Замученные, испуганные собрались вмѣстѣ.

Жалѣли и вспоминали несчастнаго Фреда, нѣкоторые молились и обѣщали милостыню въ честь Св. Николая, покровителя моряковъ.

Зашелъ мѣсяць.

Море волновалось, и на немъ — пока хваталъ глазъ — ничего не было видно. Чудовище, ухвативъ одну жертву, видимо удовлетворилось и куда то исчезло.

Молчаливо — сумрачные глядѣли товарищи Мартина на воду, гдѣ теперь гадина, должно быть, уже терзала его тѣло.

— Бѣдный Фредъ, вздохнулъ Хензенъ и поднялъ глаза къ небу. Передъ нимъ на фокъ-мачтѣ, запутанное въ вантахъ*), висѣло . . . тѣло Мартина.

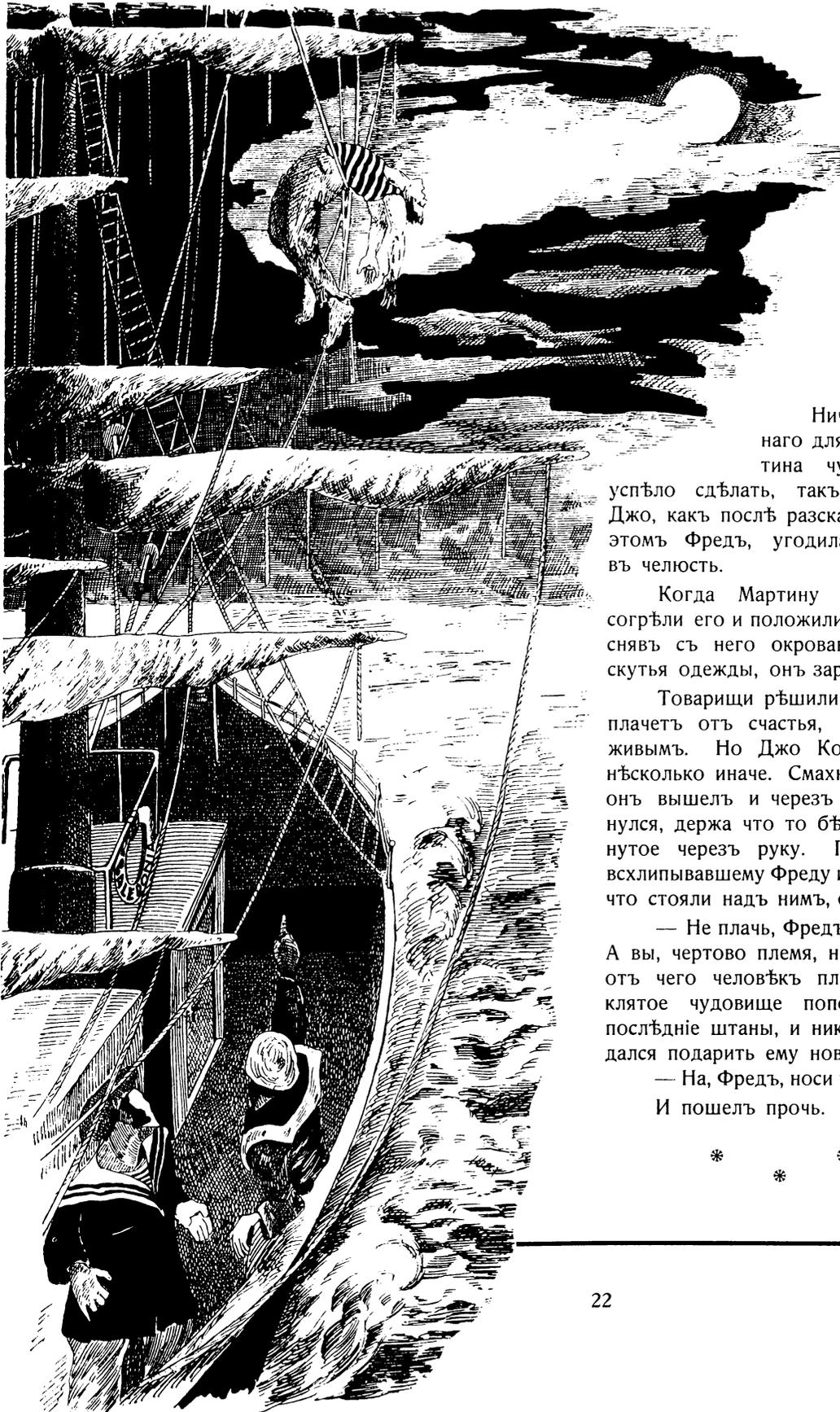
— Виситъ! завопилъ Хензенъ, показывая пальцемъ на мачту. Виситъ, Фредъ виситъ . . .

Черилльо, Стернъ и американецъ бросились къ вантамъ и въ нѣсколько минутъ сняли Фреда съ мачты и перенесли въ каюту.

Онъ былъ живъ.

Зубы гадины сорвали съ него одежду и оставили на спинѣ кровавый слѣдъ.

*) Ванты — толстыя веревки, что держатъ мачты и снасти съ боковъ, съ переди и сзади.

Ничего опаснаго для жизни Мартина чудовище не успѣло сдѣлать, такъ какъ пуля Джо, какъ послѣ рассказывалъ объ этомъ Фредъ, угодила чудовищу въ челюсть.

Когда Мартину дали рому, согрѣли его и положили въ кровать, снявъ съ него окровавленные лоскутья одежды, онъ зарыдалъ.

Товарищи рѣшили, что Фредъ плачетъ отъ счастья, что остался живымъ. Но Джо Ковль думалъ нѣсколько иначе. Смахнувши слезу, онъ вышелъ и черезъ минуту вернулся, держа что то бѣлое, перекинутое черезъ руку. Подойдя къ всхлипывавшему Фреду и матросамъ, что стояли надъ нимъ, онъ сказалъ:

— Не плачь, Фредъ, успокойся. А вы, чертово племя, не понимаете отъ чего человѣкъ плачетъ: проклятое чудовище испортило ему послѣдніе штаны, и никто не догадался подарить ему новые.

— На, Фредъ, носи на здоровье. И пошелъ прочь.

* * *

Черезъ мѣсяцъ, когда „Каледонія“ пришла въ гавань, я поѣхалъ въ Лондонъ. Меня очень интересовала научная разгадка существованія страшной гадины, что встрѣтилась намъ въ Атлантическомъ океанѣ.

Послѣ неотложныхъ работъ и необходимыхъ визитовъ, я все свое свободное время проводилъ въ библиотекѣ Британскаго музея. Но отыскать что нибудь среди двухъ миллионныхъ книжекъ про невѣдомое чудовище безъ названія, было не легко, и, можетъ быть, я такъ и не добился бы толку, если бъ случайно не познакомился съ профессоромъ природовѣдѣнія Чаромъ, который и далъ мнѣ всѣ нужныя указанія.

Когда я привелъ въ порядокъ весь выбранный матеріалъ, то увидѣлъ, что о существованіи морской гадины было извѣстно еще въ очень давнія времена. Такъ 2600 лѣтъ назадъ извѣстный Заргонъ во время своего путешествія къ Ципернамъ видѣлъ на стѣнахъ ассирійскаго дворца въ Хорсобадѣ нарисованную морскую гадину, а Аристотель рассказываетъ, что чудовище приплывало на Либійскій берегъ.

Если собрать все, что было написано про этого звѣря у древнихъ писателей — матеріалу хватило бы на цѣлый томъ, какъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу Ч. Гольдеръ въ своей „Исторіи рыбъ“.*)

Изъ записей послѣдняго времени, правдивости которыхъ можно вѣрить, имѣется записъ Олафа Магнуса, который въ 1555 году писалъ:

— „Рыбаки, уходящіе на промысла къ берегамъ Норвегіи, утверждаютъ, что тамъ межъ скалами близъ мѣстечка Бергенъ живетъ морская гадюка необычайной величины: 200 футовъ длины и 20 футовъ толщины. Лѣтомъ въ свѣтлыя ночи гадина выходитъ изъ своего логовища и пожираетъ телятъ, овецъ, свиней.“

Эрикъ Понтоппиданъ, епископъ этого же мѣстечка Бергенъ, далъ подробныя записи о чудовищѣ.**)

*) „Исторія рыбъ“ — „Fish Stories“, by Ch. Holder and David Starr Jordan. И-во H. Holt, С-ка New-York.

**) Э. Понтоппиданъ — „Norwegische Naturgeschichte“ von E. Pontoppidan.

Въ 1809 году докторъ Нейлль, секретарь общества Вернера, получилъ отъ священника острова Ейгъ, что расположенъ около западнаго берега Шотландіи, письмо, въ которомъ тотъ сообщаетъ о видѣнной имъ морской гадинѣ въ 21 метръ длиной.

Возлѣ Галифакса въ 1883 году англійскіе офицеры также встрѣтили морского гада.

Вскорѣ послѣ этого около Мальда одинъ хирургъ, ректоръ университета и священникъ — всѣ ученые, серьезные люди, а съ ними много рыбаковъ видѣли страшилище въ 36 футовъ длиной.

Въ 1848 году англійскій военный корабль „Дедалусъ“ встрѣтилъ въ морѣ морскую гадину, которую его офицеры опять подробно описали.

Въ 1877 году недалеко отъ Сициліи, близъ мыса Зито, офицеры королевской яхты „Осборнъ“ видѣли невѣдомаго звѣря, похожаго на морскую гадину.

Ч. Гольдеръ, англійскій ученый, имѣлъ пріятеля, который отлично изучилъ фауну моря и которому довелось два раза видѣть морскую гадину въ Линнѣ въ іюлѣ 1849 года.

Послѣднія известія о страшилищѣ сообщилъ въ 1912 году корреспондентъ одной Нью-Йорской газеты; онъ пишетъ, что два плотника, работавшіе на постройкѣ виллы въ бухтѣ Траверсъ (озеро Мичиганъ), видѣли морского гада 60 футовъ длины — онъ переплывалъ бухту.

Наша встрѣча въ океанѣ 12 апрѣля 1913 года, думается, была самой послѣдней.

Всѣ, кто видѣлъ морскую гадину, описываютъ ее, какъ огромнаго звѣря, съ длинной шей, которую она иногда поднимаетъ надъ водой.

Нѣкоторые изъ очевидцевъ увѣряютъ, что гадина имѣла густую, красную гриву. Это наводило ученыхъ на нѣкоторую разгадку о таинственномъ морскомъ звѣрѣ.

Въ глубинѣ океана живетъ Ремень-Рыба*), которая имѣетъ форму 22 футоваго голубого прозрачнаго ремня съ длинной красной гривой и вѣситъ около 500 фунтовъ.

*) *Regalecus banessi*.

Г-нъ Горацио Форджи изъ Санта Анна въ Калифорніи сообщаетъ, что 22 января 1901 года одинъ мексиканскій индѣецъ недалеко отъ Ньюпортъ-Бича поймалъ такую рыбу съ красной гривой, она вѣсила 600 фунтовъ и была длиной 20 футовъ.

Форджи снялъ съ нее фотографію, рыбу препарировалъ и отослалъ въ музей.

Вообще этой рыбы, которую старые норвежцы и шотландцы звали „королемъ сельдей“ (они были увѣрены, что если сдѣлать что либо нехорошее „королю“ — всѣ сельди покинутъ это мѣсто), удалось поймать во всемъ мірѣ очень немного экземпляровъ, а именно: 14-въ Норвегіи, 19-въ Англіи, 3-во Франціи, 1-въ Бермудесѣ (юж. Америка), 3-близъ мыса Доброй Надежды, 1-въ Индіи, 5-въ Новой Зеландіи, 2-въ Японіи (одинъ около Мито, другой возлѣ Аморэя) и 5-въ Южной Калифорніи.

Внѣшній видъ „короля“ — могучая красная грива — позволялъ думать, что сказанное относится къ морской гадинѣ, но свѣдѣнія о томъ, что чудовище видѣли въ озерѣ Невада (штатъ Невада, Южная Америка) и въ озерѣ Кратера (штатъ Орегон) опровергають, на мой взглядъ, возможность этой догадки, такъ какъ „король“ — рыба глубины океана и плавать поверхъ озера (проникнуть въ озеро можно только мелкой рѣчкой), да еще и высовывать голову изъ воды абсолютно не можетъ: разница давленій водяной толщи и атмосферы задавила бы ее сразу.

Я увѣренъ, что всѣ моряки, которые видѣли морскую гадину безъ красной гривы (а ихъ большинство), встрѣчали еще невѣдомое твореніе, можетъ быть, потомка доисторическаго — завра, о которомъ пишетъ Н. Кезъ, ученый зоологъ изъ Линна, а, можетъ быть, какой либо новый, совсѣмъ еще невиданный, типъ звѣря . . .

Когда „Каледонія“ вновь вышла въ море и послѣднія очертанія земли скрылись на горизонтѣ, я со страхомъ глядѣлъ на мутную воду океана, который такъ упрямо прячетъ отъ людей свои тайны.

Смерть волка.

Едва скрылись въ лѣсу люди, какъ одно изъ лежавшихъ волчьихъ тѣлъ заворчалось и подняло голову: это былъ — старый раненый волкъ.

Тоскливымъ взглядомъ окинулъ онъ поляну, на которой лежали трупы его родичей.

Попробовалъ подняться на переднія лапы, но острая рѣжущая боль пронизала его и съ жалобнымъ стономъ онъ упалъ на землю.

Большія, горькія слезы покатались изъ его удивленныхъ глазъ.

Онъ тихо и жалобно завылъ.

Сколько тоски и муки высказалъ своимъ воемъ!

Онъ старался не шевельнуться, чтобъ не вызвать вновь этой страшной боли . . .

Старый волкъ не понималъ.

Неужели — эта маленькая, черная отъзапекшейся крови, ранка не позволяетъ ему ни пошевелиться, ни встать?

Въ вискахъ стучало, все тѣло ломило, хотѣлось пить, языкъ высохъ во рту, почернѣлъ и сморщился . . .

Страданія все усиливались и усиливались; отъ нихъ мутилось его сознание и уходили силы.

Наконецъ, онъ потерялъ сознание . . .

Увидѣлъ онъ себя въ логовищѣ маленькимъ волченкомъ; мать, старая хитрая волчиха, учила добывать пищу; онъ же, не обращая на нее вниманія, беззаботно возился съ братьями, перепрыгивалъ и скакалъ черезъ нихъ . . .

Пронеслась передъ нимъ вся жизнь со всѣми ея опасностями: долгія голодовки, ямы, капканы, собаки . . . все это припомнилъ онъ съ мельчайшими подробностями.

Припомнилъ также свою послѣднюю счастливую охоту. Вотъ мчится онъ впереди цѣлой стаи за отбившимся отъ стада оленемъ. Дологъ охотничій бѣгъ, но измученный олень, наконецъ, останавливается первымъ.

Началась битва.

Нѣсколько волковъ уже корчатся на землѣ съ распоротыми животами.

Старый волкъ прыгаетъ и впивается въ горло обезсилѣвшему оленю. Олень падаетъ.

Голодные волки кидаются и рвутъ въ куски теплое, еще трепещущее, мясо.

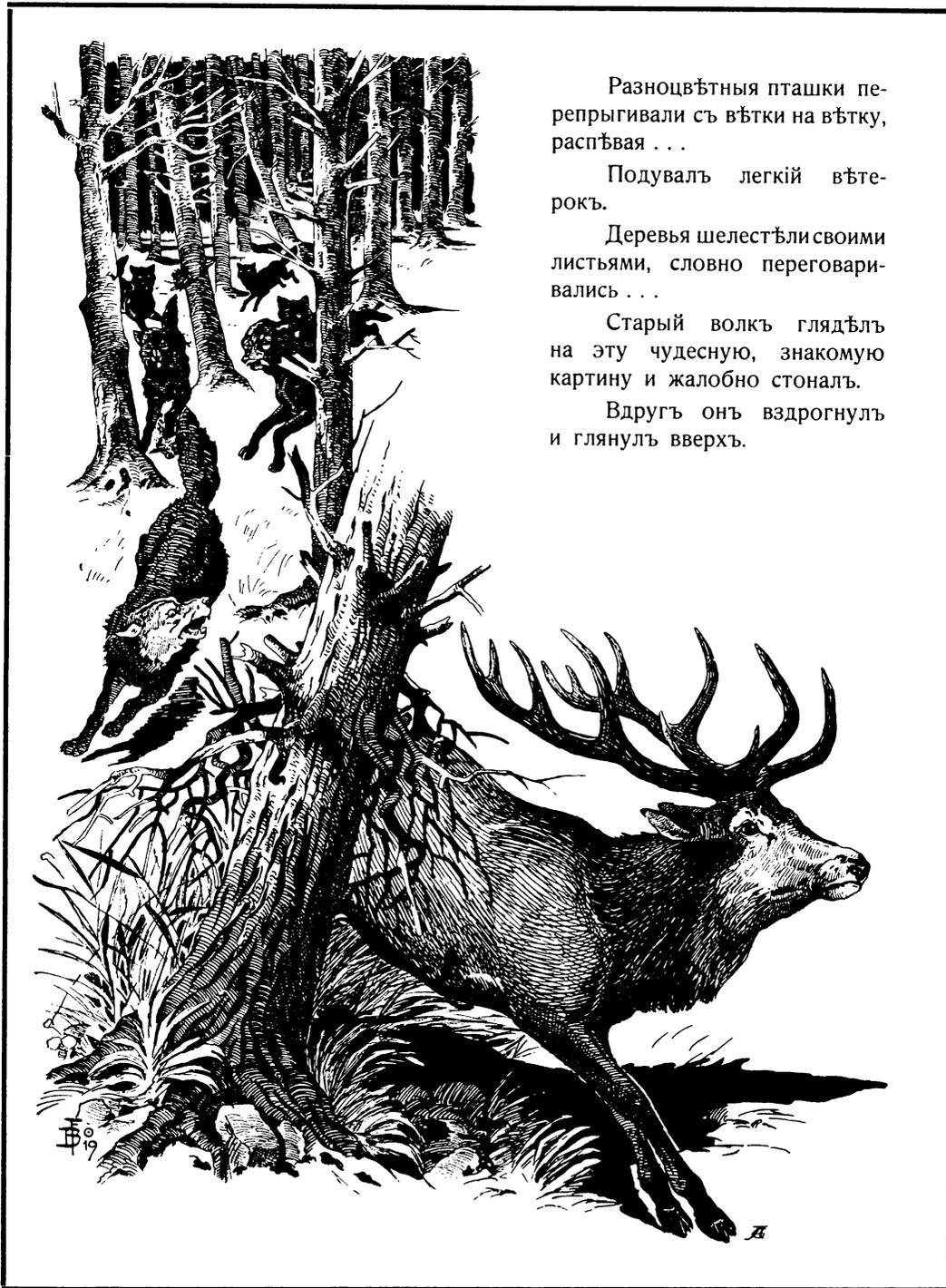
Старый волкъ гордъ своей удачей, онъ громко и радостно завылъ и . . . очнулся.

Солнце поднялось надъ обрывомъ.

Восходъ горѣлъ.

Въ воздухѣ было свѣжо.

Лѣсъ проснулся.

Разноцвѣтныя пташки перпрыгивали съ вѣтки на вѣтку, распѣвая . . .

Подуваль легкій вѣтерокъ.

Дерева шелестѣли своими листьями, словно переговаривались . . .

Старый волкъ глядѣль на эту чудесную, знакомую картину и жалобно стональ.

Вдругъ онъ вздрогнулъ и глянулъ вверхъ.

Тамъ, размахнувъ крылья, въ ясной
лазури неба неподвижно висѣли два орла.
Они зорко гладѣли внизъ и, увидѣвъ
добычу,
стали спускаться
медлен-
ными широкими кругами.

Старый волкъ понялъ, кого они
примѣтили, и тихо, чуть внятно, завылъ.

Онъ чувствовалъ, что мысль его
угасаетъ и голова отказывается служить,
кровь еле бѣжитъ по жиламъ, дышать
тяжело, а тѣло словно чужое . .

И онъ все понялъ:

Смерть — пронеслось въ головѣ.

Смерть — будто сказали ему орлы.

Смерть — смерть — смерть . . .

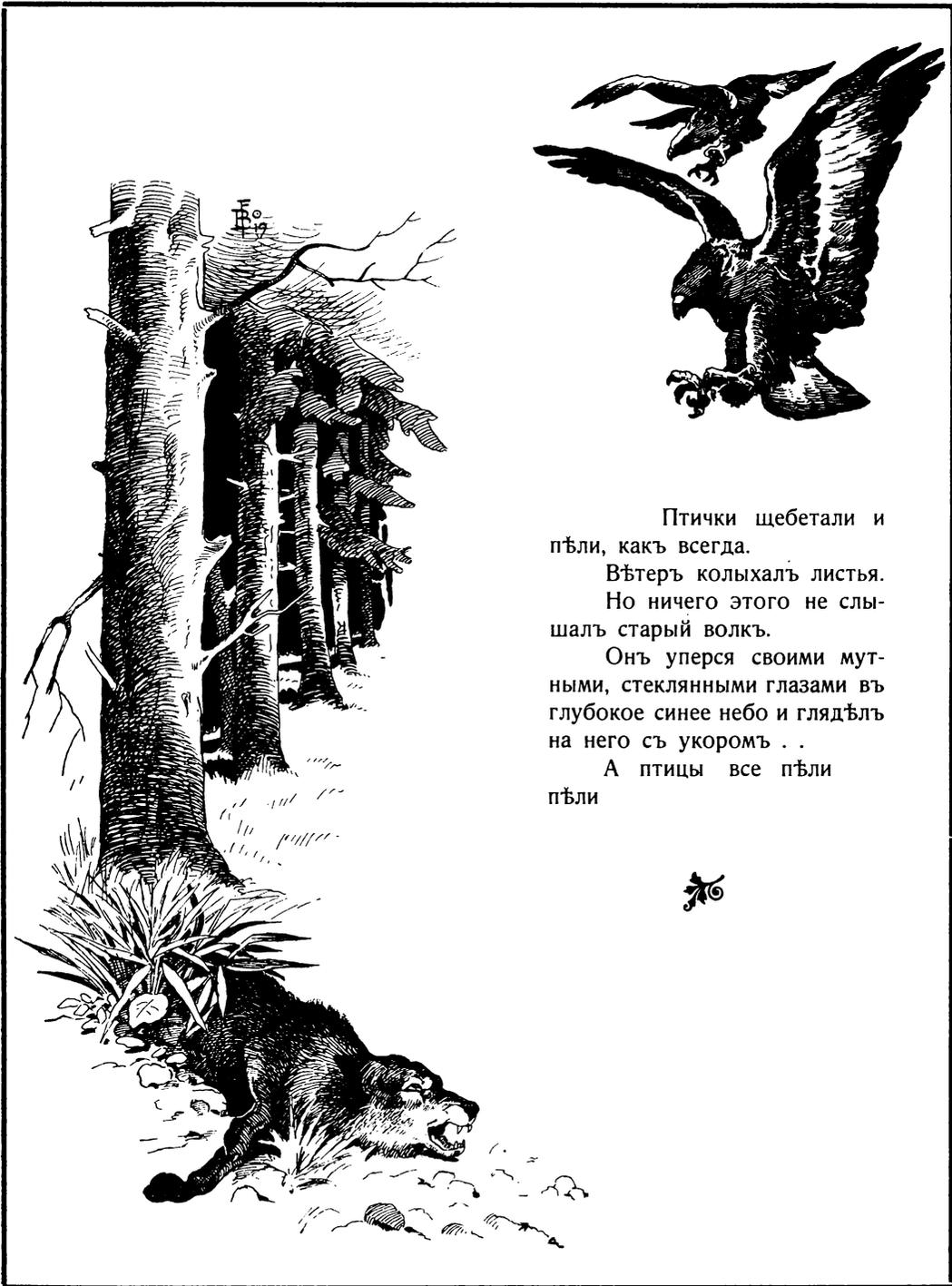
Стучало въ вискахъ. Въ послѣдній
разъ онъ окинулъ взоромъ поляну и
взглянулъ на небо . . .

Орлы приближались

Внутри у него заклокотало . . .

Старый волкъ печально и протяжно
застоналъ потомъ, неестественно
вытянувшись, замолкъ

Птички щебетали и
пѣли, какъ всегда.

Вѣтеръ колыхалъ листья.
Но ничего этого не слы-
шалъ старый волкъ.

Онъ уперся своими мут-
ными, стеклянными глазами въ
глубокое синее небо и глядѣлъ
на него съ укоромъ . .

А птицы все пѣли
пѣли

Драма въ Неаполѣ.

— Do you see land, Mr. Ledge? (Видите ли вы землю, мистеръ Леджъ?) спросилъ молодой человѣкъ съ густыми черными волосами своего пожилого собесѣдника въ рясѣ. Оба стояли на палубѣ большого американскаго парохода „Джорджъ Вашингтонъ“, шедшаго изъ Америки въ Европу.

— O yes! (Да!) отвѣчалъ тотъ и могу вамъ, навѣрное, сказать, мистеръ Стюардъ, что это берегъ Испаніи, ибо тамъ я былъ уже не разъ.

Онъ умолкъ, любуясь пылающимъ закатомъ.

Вечерѣло.

Солнце одной половиной своей купалось въ водѣ и скоро совсѣмъ нырнуло, оставивъ красный искристый отблескъ на томъ мѣстѣ, гдѣ поникло.

Влѣво тонкой едва ясной полоской тянулась земля.

— Какъ хорошо! прошепталъ Стюардъ.

Леджъ молчалъ.

Онъ примѣтилъ сзади себя за мачтой темную человѣческую фигуру и, не оборачивая головы, слѣдилъ за нею глазами. Фигура стояла нѣсколько минутъ недвижно, потомъ стала приближаться.

Леджъ внезапно повернулся къ своему молодому другу:

— А не пора ли намъ, мистеръ Стюардъ, спуститься въ каюту: начинается буря, сказалъ онъ, выразительно взглядывая на него.

Стюардъ понялъ.

— Это же самое я только что хотѣлъ предложить вамъ, отвѣтилъ онъ.

Проходя мимо мачты, Леджъ увидѣлъ, что фигура исчезла.

*

*

*

Когда вошли въ каюту, Леджъ плотно прикрыль дверь и попросиль Стюарда сѣсть.

— Донъ Мигуэль де Лаваро вновь подглядываетъ за нами

— Проклятый испанецъ, выругался Стюардъ.

— Онъ подслушивалъ насъ на палубѣ за мачтой, проговориль за тѣмъ Леджъ,

какъ ты думаешь: знаетъ онъ чтонибудь, или только доискивается?

Стюардъ съ минуту подумалъ и отвѣтилъ:

— Мнѣ думается, что онъ что то знаетъ, почему онъ слѣдитъ только за нами?

— Такъ, кивнулъ головой Леджъ,— а потому мы должны немедленно употребить всѣ способы, чтобы безъ помѣхи довести наше дѣло до конца. Слушай. Ночью мы проходимъ Гибралтаръ. Я сговорюсь съ капитаномъ: онъ будетъ брать уголь не въ Марселѣ, какъ хотѣлъ, а въ Гибралтарѣ. Такимъ способомъ я дамъ тебѣ возможность высадиться на берегъ. Ты долженъ прямкомъ черезъ Испанію ѣхать въ Неаполь, тамъ увѣдомишь полицію о моемъ приѣздѣ. А въ день прихода „Джорджа Вашингтона“ возьмешь полицейскихъ, окружишь портъ со всѣхъ сторонъ и напередъ очистишь его отъ подозрительнаго элемента. Ты имѣешь

достаточно времени для выполнения — пароходъ прибудетъ въ Неаполь только черезъ шесть дней, ты желѣзной дорогой на четвертый, а, чтобы сбить съ панталыку и обмануть дона Мигуэля, ты одѣнешься въ мою рясу и наложишь мой гримъ: де Лаваро будетъ думать, что слѣзъ я, а ты остался“ . .

Поболтавъ еще съ полчаса, Леджъ пошелъ къ капитану, а Стюардъ началъ укладывать свои вещи.

* * *

На утро пассажиры были сильно удивлены, увидѣвъ, что пароходъ стоялъ. вмѣсто Марсея капитанъ бралъ уголь въ Гибралтарѣ. На вопросъ дона Мигуэля: почему это такъ? Капитанъ Ру отвѣтилъ, что ему не хватило угля.

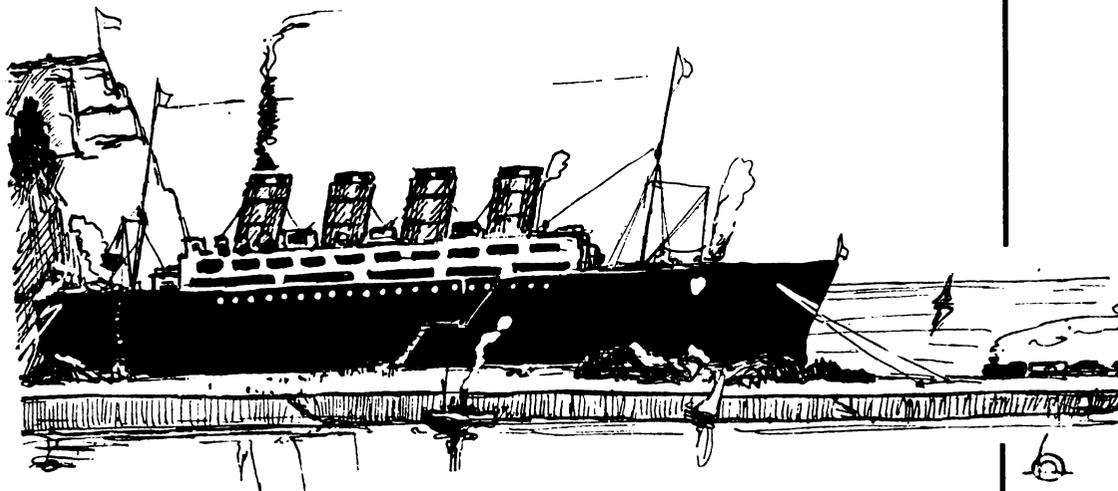
За завтракомъ, когда всѣ сидѣли за столомъ въ каютѣ — кампани, вошелъ матросъ и передалъ капитану телеграмму. Ру, взглянувъ на адресъ, протянулъ ее Леджу, сидѣвшему возлѣ, и сказалъ:

— Это вамъ, ваше преподобіе.

Леджъ, прочитавъ, повернулся къ капитану:

— Неожиданныя обстоятельства принуждаютъ меня сегодня покинуть пароходъ. Будьте любезны дать мнѣ шляпку. Я уѣзжаю въ восьмомъ часу вечера.

Съ этими словами онъ всталъ и ушелъ въ свою каюту.

Пассажиры заинтересовались телеграммой и пытались узнать у Стюарда, в чемъ дѣло, но онъ ничего не могъ имъ объяснить.

Вечеромъ въ седьмомъ часу Стюардъ въ своей каютѣ старательно гримировался Леджемъ, а тотъ тутъ же сидѣлъ на диванѣ, уже загримированный Стюардомъ. На столикѣ лежала сегодняшняя телеграмма — чистый листокъ бумаги, на которомъ не было написано ни слова.

— Я не дамъ ему въ Неаполѣ высадиться первому — говорилъ Леджъ, капитанъ сдѣлаетъ такъ, что первымъ сойду я, а донъ Мигуэль послѣднимъ. Слѣдовательно, онъ никакъ не сумѣетъ увѣдомить „своихъ“ Хотя мнѣ и извѣстно, что „они“ знаютъ о моемъ приѣздѣ, но я не рассчитывалъ все таки встрѣтиться съ „ними“ здѣсь — на пароходѣ. Этотъ испанецъ — настоящій дьяволъ: онъ сразу узналъ насъ. Но теперь онъ не помѣшаетъ. Какъ только ты встрѣтишь меня съ полицейскими — мы, не давъ ему сойти на берегъ, арестуемъ на пароходѣ. Главное дѣло: не дать ему увѣдомить „своихъ“

Стюардъ былъ уже готовъ. Онъ превосходно загримировался подъ Леджа и въ черной его рясѣ сталъ очень похожимъ на американскаго пресвитера.

Наступилъ часъ ѣхать.

Стюардъ забралъ чемоданы и съ помощью Леджа вышелъ на палубу. Было уже темно.

Они примѣтили дона Мигуэля, онъ по прежнему стоялъ въ тѣни мачты. Матросы спустили вещи Стюарда съ шлюпку, а черезъ минуту и она самъ, попрощавшись съ Леджемъ, спустился туда, и шлюпка подъ могучими ударами веселъ понеслась къ залитому огнями берегу

Леджъ оставался на палубѣ пока не вернулась обратно шлюпка и только тогда пошелъ въ каюту.

* * *

На другой день къ завтраку Леджъ (теперь Стюардъ) вышелъ изъ каюты съ подвязанной щекой.

— У меня болитъ зубъ, объяснилъ онъ спросившимъ — вѣроятно, застудилъ вчера, провояя его преподобіе . . .

Когда подошелъ часъ обѣда, Леджъ почувствовалъ себя настолько слабымъ, что не вышелъ въ столовую. Вечеромъ были у него капитанъ Ру и лекаръ, а утромъ на другой день пассажиры услышали, что Стюардъ (Леджъ, то-есть) боленъ и не встаетъ съ кровати. Ру объяснилъ, что несчастный молодой человѣкъ тяжело простудился.

Если бы мы заглянули въ его каюту — увидѣли бы, какъ этотъ „несчастный молодой человѣкъ“ сидѣлъ за столомъ и пристально разглядывалъ какой то альбомъ съ фотографіями. На обложкахъ этого альбома большими буквами было напечатано: „I membr della „Mano Nero“ (члены „Черной руки“).

— „Черная рука“ — американская банда разбойниковъ, состоявшая, можетъ быть, исключительно изъ итальянцевъ, которые, переѣхавши въ Америку, соединились въ одну шайку и начали точить кровь изъ своей новой отчизны.

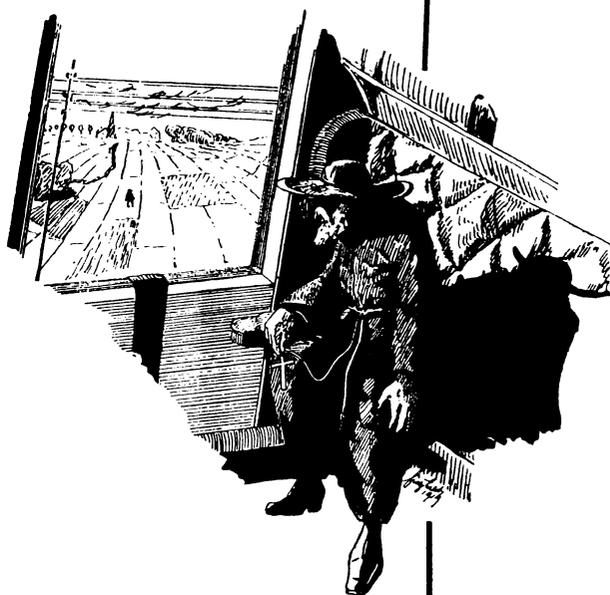
„Черная рука“ имѣетъ свою исторію.

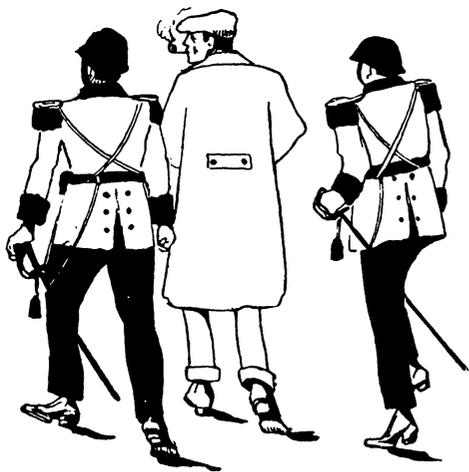
Существуетъ эта шайка уже нѣсколько сотенъ лѣтъ.

Начавшись въ Сициліи, гдѣ жители прозвали ее „Maffia“ (Маффія), то-есть „несчастье“, спустя нѣсколько лѣтъ, она переноситъ свою дѣятельность на югъ Италіи.

Эпоха ренессанса не могла не отразиться и на Маффіи, и шайка распадается на двѣ части: на большую — „Каморру“ и на меньшую — „Маффію“. Первая стала помогать революціонной „Молодой Италіи“, вторая за деньги служила и тѣмъ и другимъ.

Чтобы отдѣлится свои дѣла отъ „работы Маффіи“ — „Каморра“ на все, къ чему только ни прикасалась, клала рисунокъ или знакъ черной руки.

Но революція минула. Всеобщее настроеніе подъема упало и скоро „Каморра“ вновь встрѣтилась съ „Маффіей“

Тогда только что начиналась эмиграція въ Америку. Нѣкоторые члены „Каморры“ и „Маффіи“ перѣѣхали въ Новый Свѣтъ. Оттуда они возобновили сношенія съ Италіей, главнымъ образомъ, съ Неаполемъ, гдѣ былъ ихъ главный комитетъ, а черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ члены этихъ двухъ бандъ въ Америкѣ соединились въ одну.

Такъ началась „Черная рука“. Шайка была настолько хорошо

организована, что ни американская, ни итальянская полиція не находили, способовъ бороться съ ней и чувствовали себя совершенно безсильными.

Что представляетъ изъ себя „Черная рука“ теперь и какъ она „работаетъ“ — лучше насъ расскажетъ хроника г. Чикаго.

Читаемъ въ одной изъ большихъ чикагскихъ газетъ:

„Черная рука“ — подлинная язва Америки. По статистикѣ только одного города Чикаго, который въ 1911 году посѣтила „Черная рука“, отмѣчено 18 убійствъ, около 20 раненій стилетами, подброшено до 100 бомбъ, до 500 000 долларовъ ограблено у людей. Во всѣхъ нападеніяхъ, кромѣ двухъ, преступники пойманы не были. Въ мартѣ текущаго года „Черная рука“ убила четырехъ итальянцевъ. Во время суда надъ однимъ изъ членовъ „Черной руки“, судья Лендисъ получилъ такое письмо: „отпусти арестованнаго на свободу — иначе погибнешь, какъ многіе другіе.“ На другой день нашли бомбу подъ дверями квартиры этого судьи.“

Долго боролась американская полиція противъ этой шайки душегубовъ, но безрезультатно. Злодѣи были — черти, а не живые люди: — послѣ каждаго злодѣйства нельзя было обнаружить ни одного слѣда, кромѣ знака „Черной руки“; сами разбойники словно приваливались сквозь землю.

Эта безнаказанность продолжалась до тѣхъ поръ, пока на мѣсто инспектора полиціи не назначили молодого итальянца по фамиліи Петрозино. Этотъ энергичный человѣкъ въ короткое время напалъ на слѣды банды,

а спустя годъ уже всю американскую банду онъ держалъ въ своихъ рукахъ

Но съ арестомъ ея онъ не торопился — онъ зналъ, что голова „Черной руки“ — центральный ея комитетъ, — находится въ Неаполѣ.

И вотъ, не испугавшись того, что бандиты поклялись его убить и уже не разъ устраивали на него покушенія, онъ задумалъ однимъ ударомъ уничтожить всю гидру.

Поручивъ всѣ свои дѣла старшему помощнику Карао и давъ ему приказъ немедленно арестовать всю банду, какъ только онъ получитъ его телеграмму изъ Италіи — самъ Петрозино съ другимъ своимъ помощникомъ О'Долейль — сѣлъ на пароходъ и поплылъ въ Европу, мечтая захватить весь комитетъ „Черной руки“ въ Неаполѣ.

Тутъ то и встрѣтились мы съ нимъ подъ видомъ американскаго пресвитера Леджа.

Уже въ пути Петрозино-Леджъ обнаружилъ, что за нимъ и за его помощникомъ О'Долейль-Стюардомъ слѣдитъ какой то человекъ, записанный на пароходѣ испанцемъ Мигуэль де Лаваро.

Это сильно взволновало его.

А что, если испанецъ — членъ „Черной руки“?

Нужно было приложить всѣ усилія, чтобы онъ не смогъ испортить дѣла.

Какъ устроилъ это Петрозино — мы уже знаемъ изъ прочитаннаго.

А сейчасъ онъ сидѣлъ и старательно изучалъ фотографіи злодѣевъ, ища хотя бы немного похожаго на Мигуэля, этого „проклятаго испанца“, какъ окрестилъ его О'Долейль, но ничего не могъ найти. Побаиваясь, что де Лаваро совершитъ покушеніе на его жизнь, случайно догадавшись, какъ его обманули, Петрозино рѣшилъ и въ дальнѣйшемъ выдавать себя за больного, до самаго Неаполя, а тамъ капитанъ Ру знаетъ свое дѣло. Онъ задержитъ дона де Лаваро на часъ, а въ это время О'Долейль приведетъ полицію и они арестуютъ этого „проклятаго“

Прошло шесть дней.

„Джорджъ Вашингтонъ“ миновалъ уже Искрію, вошелъ съ неаполитанскій заливъ и, принявъ на бортъ лощмановъ, подходилъ къ Неаполю.

На большомъ рейдѣ онъ сталъ.

Лоцманы покинули пароходъ, а на ихъ мѣсто ступили таможенные чиновники.

Если бы Петрозино былъ на палубѣ, онъ бы тотчасъ примѣтилъ, какъ донъ Мигуэль де Лаваро таинственно передалъ одному изъ лоцмановъ какой то листокъ бумаги, прося его прочитать.

— Еbbene! (хорошо) — отвѣтилъ тотъ, пряча въ кошелекъ золотой.

Но Петрозино сидѣлъ у себя въ каютѣ, чистилъ револьверъ и ничего этого не видѣлъ. Капитанъ Ру только что забѣгалъ къ нему и завѣрилъ, что все идетъ прекрасно. Петрозино не безпокоился: онъ былъ увѣренъ, что выиграетъ дѣло, какъ только О'Долейль приведетъ полицію . . .

* * *

Мы покинули Стюарда — т. е. О'Долейля, въ тотъ самый моментъ, когда онъ оставилъ пароходъ. Высидившись на „Old Mole“ (старый молъ), онъ не обратилъ никакого вниманія на величественныя скалы и стѣны Гибралтара, съ которыхъ грозно смотрѣли на проливъ десятки пушекъ, и заторопился на вокзалъ.

Какъ разъ отходилъ поѣздъ на сѣверъ.

О'Долейль занялъ отдѣльное купе.

Тутъ только онъ свободно вздохнулъ.

Быстро промелькнули передъ нимъ маленькія станціи, а потомъ и такіе большіе города, какъ Рондо, Антикеръ, Ляхъ, а спустя нѣсколько часовъ, онъ былъ уже въ Гренадѣ, несмотря на то, что испанскіе поѣзда не любятъ спѣшить.

Въ Гренадѣ О'Долейль, смѣнивъ рясу Петрозино на обычный пиджакъ, пошелъ въ буфетъ пообѣдать. Возвращаясь въ вагонъ, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ около своего купэ двухъ жандармовъ и кондуктора.

— Просимъ мистера въ жандармерию, вѣжливо попросилъ одинъ изъ нихъ О'Долейля, а потомъ его столь же вѣжливо подхватили подъ руки и повели по перрону.

Кондукторъ несъ вещи.

Въ жандармериі О'Долейля обыскали: нашли, рясу и американскій паспортъ.

Дѣло было ясное: этотъ „estranjero“ (иностранецъ) — злодѣй!

Не даромъ кондукторъ, сообщившій жандармамъ, видѣлъ какъ онъ вошелъ въ вагонъ попомъ, а вышелъ штатскимъ.

И сколько ни увѣрялъ О'Долейль, что онъ не разбойникъ, а американскій сыщикъ, никто не хотѣлъ ему вѣрить, а такъ какъ былъ уже вечеръ, то и отправили его на ночь въ тюрьму.

Положеніе молодого американца было трагическое: никто изъ жандармовъ не понималъ англійскаго языка, потому и паспорта его не смогли ему помочь.

Онъ надѣялся на завтрашній день, такъ какъ зналъ, что его повезутъ къ губернатору, какъ объявили ему жандармы. У губернатора недоразумѣніе объяснится.

Ночью онъ не могъ спать.

— А что, думалъ несчастный арестантъ, если „Джорджъ Вашингтонъ“ придетъ въ Неаполь на сутки раньше? Смогу ли я тогда выполнить то, что мнѣ поручено?

И холодный потъ покрывалъ его лобъ при одной только мысли, что онъ не успѣетъ встрѣтить Петрозино въ Неаполѣ.

Утромъ, въ восьмомъ часу, О'Долейль принялся колотить въ дверь.

Тюремный сторожъ, пришедшій на шумъ, былъ очень удивленъ, когда, отомкнувши камеру, услышалъ требованіе арестанта отвезти его къ губернатору.

— *Mil Diablos* — (тысяча чертей) — вскричалъ онъ, ты обалдѣлъ, что ли? Сегодня — воскресенье! Развѣ ты король, чтобъ губернаторъ принималъ

тебя въ праздникъ? Ты, должно быть, помѣшался . . . пробормоталъ сторожъ и ушелъ, заперевъ камеру.

О'Долейль не могъ опаматоваться.

— Domingo . Domingo

(воскресенье воскресенье) шепталъ онъ, повторяя слова сторожа, а потомъ упалъ на доски, называвшіяся въ тюрьмѣ кровати, и въ безсилы заплакалъ

— О, Боже, когда я буду въ Неаполѣ . . . Можетъ быть Петрозино нѣтъ уже на свѣтѣ

Гренада — главный городъ провинці Гренада.

Онъ имѣетъ 78000 жителей и университетъ.

Около города величественныя, укрытыя вѣчнымъ снѣгомъ горы Sierr'ы Nevada'y.

Въ немъ постоянно живетъ губернаторъ, который праздники и воскресенье отдыхалъ въ своей виллѣ за городомъ.

Потому то и не пришлось бѣдному американцу поговорить въ воскресенье съ „его превосходительствомъ“.

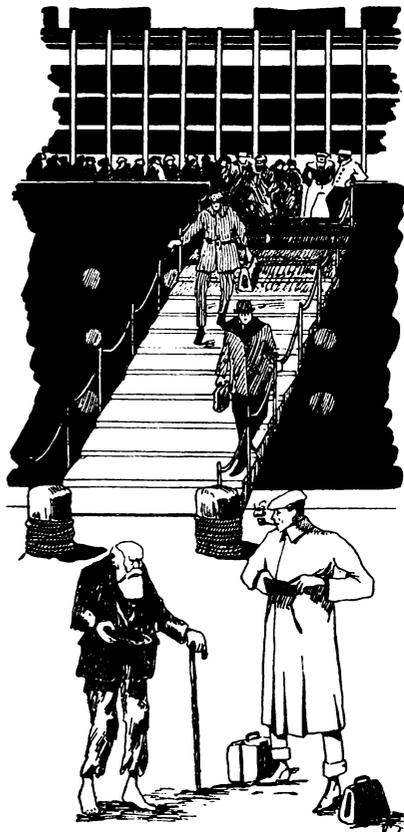
Въ понедѣльникъ пришли жандармы и повезли О'Долейля къ губернатору.

Тотъ, просмотрѣвъ паспортъ, попросилъ у него извиненія и велѣлъ отпустить.

О'Долейль ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Онъ понималъ только одно: сегодня третій день, а онъ еще не выѣхалъ изъ Испаніи.

Какъ сумасшедшій, бросился онъ на вокзалъ и, часъ спустя, уже мчался со скорымъ поѣздомъ на сѣверъ.

* * *

Черезъ три дня, въ десятомъ часу утра О'Долейль въѣзжалъ въ Неаполь, въ тотъ прекрасный Неаполь, о которомъ итальянцы говорятъ: „Vedi Napoli e poi mori“ (посмотри Неаполь, а потомъ можешь умереть).

Но не это его занимало.

Онъ весь клокоталъ при мысли о томъ, что сегодня седьмой день, и въ полдень, т. е. ровно черезъ два часа придетъ „Джорджъ Вашингтонъ“.

Усмѣетъ ли онъ сдѣлать все необходимое?

Со станціи на автомобилѣ помчался онъ въ полицію, а оттуда съ карабинерами на пристань.

Когда О'Долейль примчался въ портъ — онъ увидѣлъ, что „Джорджъ Вашингтонъ“ уже пришелъ.

Матросы прилаживали къ спуску сходни.

Карабинеры энергично разгоняли толпу, приближавшуюся къ пароходу.

Вдругъ О'Долейль увидѣлъ, что по положеннымъ сходнямъ спускается первый пассажиръ.

Это былъ Петрозино.

Онъ держалъ въ рукахъ чемоданы.

Едва онъ ступилъ на землю, его, какъ обычно, окружила толпа нищихъ.

Петрозино, зорко вглядываясь въ нихъ, искалъ въ то же время О'Долейля.

Изъ толпы подвинулся къ нему высокій сѣдой старикъ: — „Per l'amor di Dio, Signore!“ (Ради Бога, господинъ!)

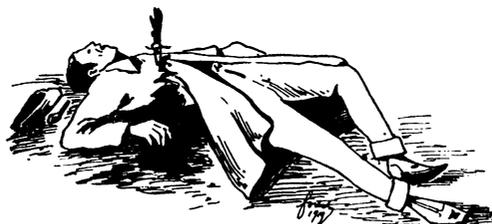
Петрозино поставилъ чемоданы на землю и полѣзъ въ кошелекъ за монетой, усмѣхаясь и кивая головой О'Долейлю

Въ этотъ моментъ нищій выхватилъ изъ подъ лохмотьевъ стилетъ и изо всей силы всадилъ его въ грудь Петрозино

Когда подбѣжалъ О'Долейль — злодѣй уже скрылся, а Петрозино лежалъ на землѣ и изъ подъ него тоненькими струйками выбѣгала кровь . . .

Онъ не дышалъ . . .

Въ груди его торчалъ стилетъ, рукоятка котораго была въ формѣ черной человѣческой руки

Три дня изъ жизни одной собаки.

I.

Сѣрко растянулся у хаты, раскинулъ лапы и спряталъ голову отъ солнца въ холодокъ роскошнаго куста розъ.

Съ закрытыми глазами и высунутымъ языкомъ лежалъ онъ и не шевелился, съ наслажденіемъ грѣясь въ горячихъ лучахъ, отъ которыхъ блистало и пылало все, на что только они ни падали: и бѣлая стѣна хаты и низкая, желтая какъ мѣдъ, завалинка, новая золотая крыша, зеленые кусты, даже и самъ Сѣрко, его сѣрая худая фигура, длинныя сильныя ноги и волосатый хвостъ.

Пріятно вытянуться такъ на солнцѣ, безъ всякихъ заботъ, ничего не думая, въ полу — забытій; развѣ иной разъ шевельнуть ухомъ, если какая нибудь надоѣдливая муха начинала ужъ очень сильно имъ интересоваться, или, если въ тишинѣ горячаго полудня прорвется чей либо окрикъ, — открыть одинъ глазъ, взглянуть и снова закрыть въ дремотѣ.

Сѣрко шевельнулъ хвостомъ.

Проклятыя мухи! Какъ будто передушили ихъ сегодня достаточно, а все — жь пристають Вотъ одна ползеть по носу, завернула въ ноздрю . . .

Цакъ! . . . Поймалъ.

Сѣрко нагнулъ голову и съ минуту подстерегалъ мухъ.

— Сѣрко-о!

Вскочилъ и метнулся на голосъ.

Кто? Гдѣ? Ъсть?

Хотя передъ тѣмъ у него и не было никакого аппетита, онъ сразу почувствовалъ страшный голодъ и позабылъ, что только недавно пообѣдалъ.

Когда Сѣрко хотѣлось ѣсть, онъ шелъ прямо къ хатѣ и глядѣлъ въ дверь, пока его не примѣчали.

— Посмотри, мама. Сѣрко ѣсть хочетъ, говорилъ молодой женскій голосъ.

Изъ осторожности Сѣрко подавался немного назадъ и ждалъ дальше.

— Вотъ проклятый песь! Только что ѣлъ

И что то совсѣмъ несуразное бормоталъ старческій голосъ.

Сѣрко слышалъ звонъ посуды, хлопотанье, и потомъ старая женщина, обычно, выносила миску, а въ мискѣ что нибудь и для чугунка Сѣрко, стоявшаго возлѣ клѣти, въ которой Сѣрко имѣлъ постоянное свое помѣщеніе. Виляя хвостомъ, Сѣрко провожалъ добрую старуху, правда немного издали, до чугунка, облизываясь, поглядывалъ, какъ она выливала туда ѣду и совсѣмъ не слушалъ ея брани.

Ѣду ему выносили утромъ и вечеромъ, а такіе визиты дѣлалъ онъ, если ужъ очень хотѣлъ ѣсть, — какъ разъ въ обѣдъ.

Случалось, что онъ ошибался и приходилъ въ хату въ другой разъ, но только тогда замѣчалъ свою ошибку, если старая баба хваталась за ухватъ, а молодая, кидаючи ему кусокъ хлѣба, кричали.

— Сѣрко, утекай!

Сѣрко въ воздухѣ хваталъ хлѣбъ и бѣжалъ . . .

— Сѣрко! — кричалъ мужчина, изъ подъ навѣса.

Сѣрко, услышавъ человѣческій голосъ, повернулся отъ хаты, куда онъ прежде всего толкнулся, и неохотно затрусилъ на зовъ.

Если кличетъ мужчина, навѣрное — не ѣсть . . .
А можетъ быть?

Со слабой надеждой Сѣрко приласкался къ человѣку, помахивая хвостомъ и тыкаясь носомъ въ его колѣно.

— Ну — ну! — смѣялся
мужчина, кончая свою работу, —
подожди!

Сѣрко обошелъ его ра-
боту, по дорогѣ лизнулъ въ
лицо маленькую дѣвченку,
протянувшую къ нему ручки,
и сѣлъ напротивъ человѣка.
Тотъ прилаживалъ колеса къ
деревянному коробку.

Это долженъ былъ быть
возокъ.

Сѣрко зѣвнулъ и легъ.

И за чѣмъ было кликать?
Совсѣмъ ему не интересно.

Онъ наблюдалъ, какъ
человѣкъ приладилъ колеса,
привязалъ веревку, сдѣлалъ
маленькій хомутъ и, наконецъ,
посадилъ дѣвочку на возъ.

— Иди сюда, Сѣрко! —
кликнулъ онъ.

Я?

Сѣрко поднялъ голову,
но не всталъ.

— Ну, иди же, Сѣрко!

Гм . . . хорошо

Подошелъ.

Человѣкъ поставилъ его
между веревками, одѣлъ въ
хомутъ.

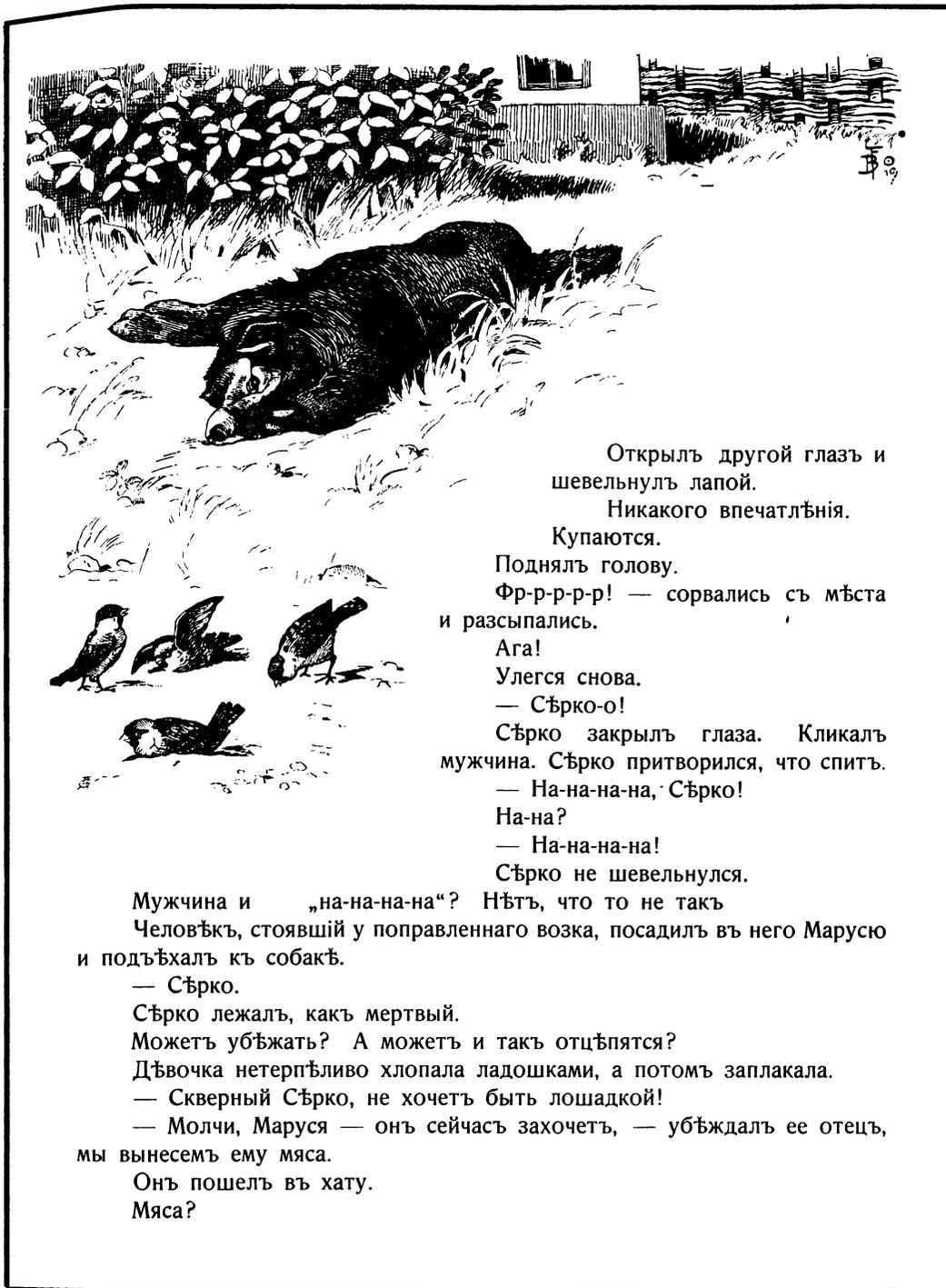
— Сѣрко будетъ Маруси-
нымъ конемъ, сказалъ онъ
дѣвчкѣ.

Маруся подсакивала отъ
радости, смѣялась, помакивала
кнутикомъ.

Готово!

— Но! Но!

Сѣрко сѣлъ.

Открылъ другой глазъ и
шевелинулъ лапой.

Никакого впечатлѣнія.

Купаются.

Поднялъ голову.

Фр-р-р-р! — сорвались съ мѣста
и разсыпались.

Ага!

Улегся снова.

— Сѣрко-о!

Сѣрко закрылъ глаза. Кликать
мужчина. Сѣрко притворился, что спитъ.

— На-на-на-на, Сѣрко!

На-на?

— На-на-на-на!

Сѣрко не шевельнулся.

Мужчина и „на-на-на-на“? Нѣтъ, что то не такъ
Человѣкъ, стоявшій у поправленнаго возка, посадилъ въ него Марусю
и подѣхалъ къ собакѣ.

— Сѣрко.

Сѣрко лежалъ, какъ мертвый.

Можетъ убѣждать? А можетъ и такъ отцѣпятся?

Дѣвочка нетерпѣливо хлопала ладошками, а потомъ заплакала.

— Скверный Сѣрко, не хочетъ быть лошадкой!

— Молчи, Маруся — онъ сейчасъ захочетъ, — убѣждалъ ее отецъ,
мы вынесемъ ему мяса.

Онъ пошелъ въ хату.

Мяса?

Сѣрко понималъ, что такое мясо, и зналъ, что оно рѣдко бываетъ у его хозяевъ.

Мяса? Ин-те-ре-сно.

Сѣрко захотѣлось мяса. Хотя онъ и не вѣрилъ, что человѣкъ дѣйствительно вынесетъ ему мяса, но

— На, Сѣрко!

Сѣрко не открывалъ очей.

А что, если обманываетъ?

Встать подъ хомутъ онъ совсѣмъ не имѣлъ охоты.

Солнце такъ хорошо грѣетъ и такъ пріятно лежится тутъ подъ кустомъ, да и больно въ веревкахъ — но, съ другой стороны, можетъ — мясо?

Бсть — это была единая и великая слабость Сѣрко. Собака всегда имѣетъ аппетитъ; когда она видитъ ѣду, — забываетъ обо всемъ на свѣтѣ.

— Да, на-же, Сѣрко!

Что то толкнуло его въ носъ.

Неужели!!

Онъ не отваживался открыть глаза, чтобы не показать человѣку, что онъ не спитъ, но запахъ мяса, да еще баранины

Онъ прекрасно представлялъ себѣ этотъ сочный, красный кусокъ съ синими жилками, съ бѣлой пленкой и запахомъ — этимъ запахомъ

Слюна зашевелилась у него во рту, и гдѣ то далеко — въ животѣ что то іюкнуло и заклокотало

Сѣрко не вытерпѣлъ. Тихонько раскрылъ глаза. Около самага носа держалъ человѣкъ кусочекъ мяса, надъ которымъ крутился цѣлы рой мухъ. Это было уже слишкомъ!

Гамъ!

Мясо отскочило и Сѣрко лякнулъ зубами въ воздухъ.

— Э, нѣтъ! Долженъ встать. Ну?

Сѣрко всталъ. Его тянулъ къ себѣ этотъ кусокъ. Онъ хотѣлъ его съѣсть.

Маруся смѣялась, когда человѣкъ надѣвалъ на Сѣрко хомутъ.

Снова хомутъ?

Сѣрко хотѣлъ сопротивляться, но мясо мазнуло его по мордѣ; онъ бросился его ловить и, едва не порвавъ веревокъ, потащилъ возокъ за человѣкомъ — къ открытымъ воротамъ. За воротами мужчина разорвалъ мясо на два куска и далъ одинъ Сѣрко. Тотъ въ моментъ проглотилъ его и ему захотѣлось еще.

— Теперь зарабатывай другой! — Закричал человек и поманил Сѣрко послѣднимъ кускомъ.

Сѣрко побѣжалъ къ нему, можетъ и не чувствуя, что онъ тянетъ за собой возокъ со счастливой Марусей. Мужчина отскочилъ и вновь замахалъ мясомъ. Сѣрко погнался.

Онъ задыхался.

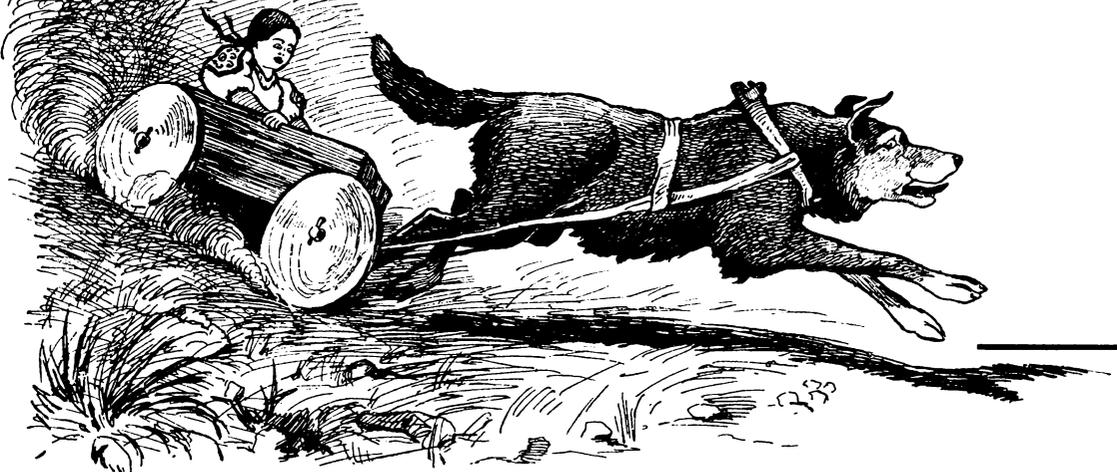
Его разбиралъ страшный голодъ и злость. Кусокъ мяса маячилъ у него передъ глазами.

Наконецъ, онъ проглотилъ и этотъ кусочекъ. Поглядѣлъ на руки человека.

Пустыя.

Сѣрко остановился, вспотѣвшій подъ горячимъ солнцемъ, голодный и раздраженный. Тутъ только онъ почувствовалъ, что Маруся все время хлещетъ его сзади кнутомъ. Онъ зарычалъ.

— Ха-ха-ха, смѣялась дѣвочка, тятя! Сѣрко и ржетъ, какъ настоящая лошадь.

— Но, Сѣрый, но-о!

Сѣрый со злостью рвалъ на себѣ хомуть и хотѣлъ выскочить изъ веревокъ, но . все было очень хорошо завязано.

— Ге-гей, кричалъ мужчина, подходя ближе.

Сейчасъ ухватить за ухо и будетъ тянуть.

Сѣрко вздрогнулъ и рванулся.

— Утеку. Дорогой оборву веревки. —

Онъ помчался внизъ по улицѣ. Сѣркова хата была крайняя на селѣ и за нею начинались огороды и поля.

— Ух-и-и-и .

Маруся кричала отъ радости и все хлестала и хлестала бѣдную собаку. Сѣрко вылетѣлъ стрѣлой на луга и по ямамъ и порослямъ помчался къ небольшому озеру. Увидѣвши, что отца уже нѣтъ и сама едва держась въ возкѣ, дѣвочка бросила кнутъ и начала сперва тпрукать, а потомъ плакать и кричать:

— Тпру, Сѣрко! Ой, тпру!

Сѣрко же, распаленный болью отъ хомута и злостью на мужчину, на Марусю, на возокъ — несся, ничего не разбирая, прямо въ озеро.

Вотъ оборву! Вотъ оборву! Вотъ оборву!

Увидѣвъ передъ собой воду, онъ круто завернулъ и очутился въ камышахъ. Возокъ опрокинулся, запутался въ заросляхъ. Одна веревка оборвалась. Маруся вывалилась и закричала. Откуда то доносился голосъ отца:

— Скорѣе, Сѣрко взбѣсился!

Маруська, доченька моя

Сѣрко испугался.

Злость у него прошла отъ утомленія и страха, чутье подсказывало ему, что понадѣлалъ онъ такого, за что будутъ бить

Только не бить!

Сѣрко рванулъ и оборвалъ другую веревку. Съ хомутомъ на шеѣ выскочилъ изъ камышей. По лугу къ озеру бѣжалъ и кричалъ Марусинъ отецъ, за нимъ еще люди

Немедленно бѣжать!

Вѣтромъ понесся Сѣрко къ большому лѣсу, что зеленѣлъ въ яркомъ свѣтѣ лѣтняго солнца.

— У-лю-лю! У-лю-лю! — слышалъ онъ позади себя. Это наддавало еще больше страха и скорости.

Догонять!

Бумммъ!!

Выстрѣль.

Но Сѣрко уже вскочилъ въ лѣсъ

II.

Черезъ кусты, траву, пни мчалъ, не задерживаясь. Продирался сквозь кустарники, межъ деревьями и все прислушивался.

Не нагоняютъ ли?

Въ густомъ, зеленомъ молоднякѣ онъ остановился. Тутъ было мало солнца — можно было спокойно передохнуть. Сѣрко прислушался еще разъ.

Тихо. Ничего не слышно.

Насилу содралъ съ себя хомутъ. Легъ, положивъ голову на лапы.

Толстые, высокіе дубы стоятъ близко одинъ возлѣ другого, переплетаясь вѣтвями; въ просвѣтахъ видны голубые квадраты неба.

Солнечные проблески, пробравшись сквозь темную густоту листьевъ, скользятъ по травамъ и прячутся въ кустарникѣ. Утомленный бѣгомъ, Сѣрко, попавъ отъ горячаго солнца въ лѣсной холодокъ, захотѣлъ спать.

Тутъ не найдутъ!

Онъ закрылъ глаза.

Тихій шелестъ, хрустъ и скрипъ порослей, изрѣдка легонькій трескъ, чуть слышный пискъ и чирикание

Подъ лѣсной гомонъ Сѣрко заснулъ.

Спалъ очень скверно.

Во снѣ визжалъ, скулилъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Ему снилось, что его поймали и привязали къ изгороди.

Мужчина взялъ вожжи и хочетъ его бить, а старуха, вмѣсто миски, вынесла ухватъ и ударила его по спинѣ.

Сѣрко застоналъ во снѣ и мотнулъ головой.

Вновь возокъ съ Марусей и съ кнутомъ. Хомутъ рѣжетъ шею будто ножъ. Возокъ да хомутъ, а веревокъ нѣтъ. А гдѣ мясо? Не спалъ ли сосѣдъ Рябко?

А Рябко тутъ какъ тутъ, лѣзетъ къ мясу.

Ахъ ты! У меня во дворѣ — вонь!

Сѣрко гавкнулъ вполголоса, легъ на бокъ и положилъ себѣ лапу на носъ.

Такъ спалъ онъ до самаго вечера.

Въ кустарникѣ стало темно и сыро. Вѣтерокъ покачивалъ вѣтви высокихъ деревьевъ. Подуло холодомъ.

Сѣрко проснулся.

Темно? Вѣроятно, старуха давно уже ѣсть въ чугунокъ насыпала, а онъ тутъ спитъ.

Вскочилъ.

А! Гм Какъ же такъ . . . Конечно, побьютъ А впрочемъ . . . Встрепенулся и побѣжалъ.

Безконечно много радужныхъ надеждъ почувствовалъ Сѣрко. Иногда, казалось, само небо кричало и земля гудѣла, что будутъ Сѣрко „крестины“, но самъ Сѣрко, хоть и дрожалъ отъ страха, а все же не терялъ надежды.

А можетъ быть нѣтъ?

Это „можетъ быть“ всегда обходилось ему дорого, но что могъ подѣлать Сѣрко со своей „оптимистической“ натурой. Бывало стоитъ человекъ и вожжи въ рукахъ держитъ и на Сѣрко кричитъ съ досадой:

— А иди сюда, Сѣрко, иди!

Сначала Сѣрко хочется удрать или спрятаться, особенно если самъ чувствуетъ свою вину, а потомъ появляется это „можетъ быть“ и Сѣрко, наклонивши голову, выгибаясь и помахая хвостомъ, бокомъ подходилъ къ человекъ. Иной разъ „можетъ быть“ выручало: мужчина кидалъ вожжи и говорилъ:

— Ну, смотри, Сѣрко, въ другой разъ . . .

Только съ доброй старой бабушкой дѣло обстояло иначе. Тутъ Сѣрко терялъ всякую надежду и прямо удиралъ: — старая баба считала своей обязанностью хоть разъ, но ударить Сѣрко — для порядка. За этимъ исключеніемъ Сѣрко со всѣми былъ — сама надежда, и въ надеждѣ доходилъ даже до того, что, если вожжи уже разъ опустились на его спину и подымались во второй разъ, онъ вмѣсто того, чтобы убѣжать, думалъ:

— А можетъ въ другой разъ и не ударять?

. . . Молоднякъ кончался. Ясени стояли впе-

ремѣжку съ соснами. Стояли не густо; падало больше солнца и земля была суха.

Сѣрко шелъ полегоньку.

А что, если побьютъ? И мужчина кричалъ . . . И Маруся плакала . . .

Онъ хорошо помнитъ, какъ его били, когда онъ однажды толкнулъ Марусю, она упала и закричала.

Ой, били!

Сѣрко всталъ. Отъ воспоминаній ему стало дурно.

Развѣ придти домой завтра? Можетъ позабудуть?

Постоялъ еще малость и поплелся до какой то кочки и улегся на нее.

Вечеръ уже перешелъ въ ночь. Сѣрко не спалъ.

А можетъ все таки вернуться? Но вѣдь стрѣляли же! Развѣ въ меня? Должно быть, нѣтъ. Если — бѣ въ меня, я бы упалъ

Сѣрко часто видѣлъ на баштанѣ, гдѣ онъ воровалъ маленькія, потрескавшіяся дыни, а иной разъ и хлѣбъ изъ дѣдушкиной сторожки, какъ старый стрѣлялъ въ грачей, галокъ и воронъ, и всегда послѣ выстрѣла какая нибудь птица падала.

Сѣрко заерзалъ: что то больно кусалось. Вдругъ почувствовалъ, что обсыпало морду, лѣзетъ въ уши, въ глаза, въ носъ. Онъ подскочилъ.

Что такое?

Трясъ головою, фыркалъ, обтиралъ и скребъ морду передними лапами. Запустилъ зубы въ шерсть на спинѣ. Лязгаль зубали. Что то давилъ.

Ага! Понялъ.

Во рту стало кисло, кисло. Погладѣлъ на кочку, гдѣ лежалъ:

— Муравьи.

Отряхнувшись, Сѣрко пошелъ искать другое мѣсто. Подъ высокою сосною онъ остановился, покрутился нѣсколько разъ, ловя свой хвостъ, тамъ еще кусало, и, наконецъ, легъ.

Ночь ясная и теплая. Сѣрко никогда не былъ ночью въ лѣсу. Всѣ эти ночные звуки, какіе ловилъ онъ, вслушиваясь въ тишину, удивляли его.

И въ этомъ удивленіи онъ заснулъ.

III.

Раннее утро.

Всходитъ солнце. Въ лѣсу его не видно, но оно даетъ себя знать, окрашивая въ розовые тона бѣлыя облака, зеленые листья, пробуждая къ жизни обитателей лѣса.

Бухъ!
Упало что то на голову.
Вскочилъ какъ ужаленый.
Кто это бросается камнями?
Заспанными глазами огляды-
вался.

Бухъ!
Еще разъ.
Удивительно!
Зеленая шишка! Откуда же?
Можетъ сверху?

Запрокинулъ голову:
На нижней вѣткѣ покачи-
валось на заднихъ лапкахъ что
то рыжее, махонькое — словно
котенокъ съ торчащими ушками
и поднятымъ пышнымъ хвостомъ.
Въ переднихъ лапкахъ держало
сосновую шишку и съ любо-
пытствомъ разглядывало Сѣрко.

Не векша-ли:
Очень похожа на ту малень-
кую рыжую звѣрюшку, что од-
нажды принесъ изъ лѣсу Мару-
синъ отецъ.

Векша переско-
чила еще ниже. Сѣр-
ко, видимо, ее очень
заинтересовалъ. Во
время прыжка шишка
выскочила у нея изъ
лапокъ и упала на

Сѣрко, который задралъ голову и высунулъ языкъ, — прямо въ раскрытый ротъ, стукнулась объ зубы и отскочила. Сѣрко было испугался и гавкнулъ, но потомъ разсердился.

Кидаться? Вотъ стяну тебя оттуда. Будешь тогда Онъ сердито заворчалъ.

Векша съ еще большимъ любопытствомъ вылупила на него свои глазенки. Сѣрко эта храбрость не нравилась.

— Гавъ! Гавъ!

Бѣги, а то покусая!

Векша не шевельнулась. Сѣрко вскипѣлъ.

— Гау — гау — гау-у! — залился онъ.

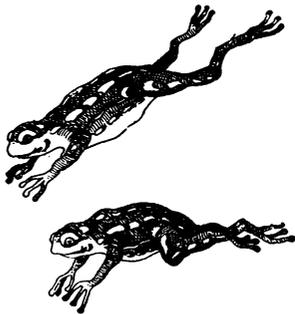
Вотъ увидишь: стяну!

Рыжий звѣреньшъ прыгнулъ на самую низкую вѣтку, чтобъ поближе разглядѣть диковинное созданіе и закачался на сучкѣ.

Сѣрко даже привскочилъ.

Ты такъ!

Гопъ.

Не доставъ до векши, Сѣрко опрокинулся въ воздухѣ и упалъ на землю.

Поглядѣлъ.

Векша сидить.

Сѣрко не помнилъ себя отъ злости.

Ахъ, ты-ы!

Гопъ!

Опять не допрыгнулъ.

Векша перескочила выше. Сѣрко обрадовался.

— Ага! пролаялъ онъ — ага!

На этотъ разъ векша, дѣйствительно, испугалась, а, можетъ быть, ей просто надоѣла лающая собака — она распушила свой хвостъ и въ нѣсколько прыжковъ скрылась въ лѣсной чащѣ.

Сѣрко гавкнулъ пару разъ во слѣдъ.

Ишь какая!

Онъ все еще стоялъ подъ деревомъ и ворчалъ. Наконецъ, успокоился.

Захотѣлъ ѣсть.

Идти домой? Бить будутъ.

А можетъ Нѣтъ, обязательно будутъ.

Онъ пошелъ лѣсомъ.

И все таки хочется ѣсть! А тутъ ничего нѣтъ.

Сѣрко разглядывалъ кусты, деревья, землю.

Ни-че-го-шеньки!

Пошелъ дальше. Лѣсъ началъ рѣдчать и онъ вышелъ на поляну.

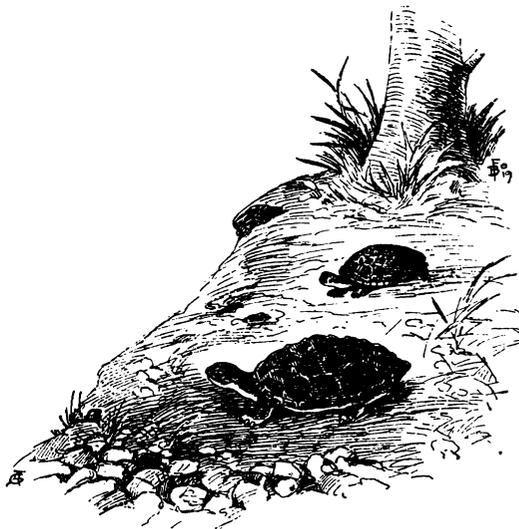
Побѣжалъ.

Воды напиться, что ли?

Блеснуло озерко.

Черезъ высокую траву и кусты добрался онъ до берега и остановился.

Крохотное лѣсное озерко. Берега позаросли осокою и камышами. Ясно-бѣлая водяная лилія свѣтлѣли подъ солнцемъ на темно-зеленыхъ листьяхъ, что поддерживали нѣжные ихъ головки на прозрачной

блестящей водѣ. Одинъ уголокъ, густо проросшій высокими камышами, отбрасывалъ тѣнь на середину. Кое гдѣ желтѣли кувшинки

Сѣрко осторожно спустился къ водѣ.

Хлопъ! Хлопъ! Хлопъ!

Вздвогнулъ и отскочилъ.

Со всѣхъ сторонъ перепуганныя жабы сигали въ воду.

Обождаль, пока наступила тишина.

Наклонился и опять началъ пить.

Пилъ съ перерывами.

Поглядывалъ на жабъ, которыя вновь выплыли на верхъ и лежали на водѣ, какъ дохлыя, съ вылупленными глазками и съ растопыренными ногами, поглядывалъ на стрекозъ, летавшихъ надъ самой водой — и пилъ дальше.

Дыни?

Кто порѣзалъ на половинки эти маленькія, почернѣлыя, круглыя дыни и пораскидалъ ихъ обрѣзаннымъ бокомъ къ землѣ — здѣсь на берегу, на кочкахъ возлѣ воды?

Сѣрко любилъ дыни. А тутъ еще ѣсть хочется.

Что та-ко-е?

Половинки начали шевелиться и полѣзли въ воду.

Сѣрко удивился.

Быстро бросился. Сгрѣбъ первую лапами.

Лежитъ.

Пустилъ.

Не шевельнется. Прочія уже спрятались въ воду.

Попробовалъ схватить зубами.

Костиста, словно камень. Нѣтъ, это не дыня!

Онъ видѣлъ, какъ она бѣжала на ногахъ и высовывала голову. Заинтересовался:

Да гдѣ-жъ ея ноги и голова? Должно быть, внизу.

Перевернулъ.

То же кость. Вотъ тебѣ и на!

Онъ перевертывалъ ее на всѣ стороны, заглядывалъ межъ щитами, нюхалъ. Ничего не понималъ.

Сѣлъ.

Подождаль.

Диковина лежала спокойно.

Малость отошелъ.

Какъ камень!

Отошелъ еще дальше и легъ.

Черезъ нѣкоторое время межъ щитами показалась черная головка, а потомъ ноги, и диковина поползла къ озеру. Сѣрко вскочилъ и бросился къ ней, но поздно: диковина уже нырнула въ воду.

Постоялъ и посмотрѣлъ на круги, побѣжавшіе по водѣ.

Что жъ это такое?

Ничего не понималъ!

Вылѣзъ на берегъ.

Ѣсть хотѣлось все больше.

Дома, вѣроятно, уже обѣдаютъ . . . Идти?

Сѣрко ухватилъ зубами осоку, оторвалъ и началъ ѣсть.

Стоялъ со стеблемъ во рту и печальными глазами глядѣлъ на воду.

Идти?

Легъ.

Солнце палило, но отъ воды несло холодкомъ и было пріятно.

Лежалъ въ дремѣ.

Потомъ уснулъ.

Онъ любилъ спать подъ лучами солнца. Они убивали въ немъ всѣ желанія. Онъ чувствовалъ себя тогда безсильнымъ. Видимо, это была лѣнь — обыгная лѣнь здороваго животнаго, разнѣженнаго теплымъ вѣтромъ и солнцемъ.

Онъ спалъ и спалъ.

Минутами просыпался, взглядывалъ на камыши, на воду, перевертывался отъ солнца на другой бокъ и снова засыпалъ.

Когда солнце скатилось уже къ обрывамъ и деревья, кусты и камыши стали отбрасывать длинныя тѣни, Сѣрко всталъ. Потянулся на длинныхъ ногахъ, зѣвнулъ и захотѣлъ ѣсть.

Голодъ былъ не малый, Сѣрко чувствовалъ какъ стягиваетъ животъ.

Идти? Какъ разъ теперь старуха даетъ ужинъ.

Но, вѣдь, бить будутъ до крови.

А, можетъ быть?

„Можетъ быть“ пересилило и Сѣрко прытко побѣжалъ отъ озера черезъ луга къ селу.

На селѣ навѣрное уже забыли. И не будутъ бить.

Разъ случилось, что Сѣрко съѣлъ сало, лежавшее въ сѣнцахъ — баба приготовила его въ поле мужчинѣ. Ой, что тогда было! Но Сѣрко спрятался на огородѣ въ терновникѣ, проспалъ тамъ ночь, а раненько утромъ увязался за мужчиной въ поле и, когда вечеромъ вернулся впереди воловъ домой, — никто не сказалъ ему ни слова. Забыли.

Можетъ и теперь забудуть. Уже второй день пошелъ. Тотчасъ посмотрю въ чугунокъ, если ничего нѣтъ — въ хату!

А если что!

Утеку!

Сѣрко бѣжалъ теперь за огородами по березняку. Солнце зашло уже на половину.

— Ге-гей! Ку-у-да?

— Лови! Вола лови!

— Гей!

Парни гнали скоть домой!

Въ кустахъ появились коровы, быки, а затѣмъ и сами парни.

Сѣрко радостно заскакалъ и замахалъ хвостомъ.

Впереди всѣхъ шла ихъ корова — Катъка.

— М-м-му, замычала она, увидѣвъ Сѣрко, и остановилась.

Широкимъ, слюнявымъ ртомъ рванула листья съ куста и, перетираяючи ихъ желтыми, стертими зубами, мотала головой и хлесталась хвостомъ, съ нацѣпившимися въ волосистый его конецъ репейниками и засохшимъ пометомъ. Большими, добрыми темными глазами она уставилась на собаку.

Сѣрко обрадовался:

Вмѣстѣ пойдемъ домой.

Изъ кустовъ вышелъ парень и, помахивая хворостиной, кричалъ:

— Ге-гей! Ге-гей!

Голось у него оборвался, когда онъ замѣтилъ Сѣрко.

— Ребята, бѣшенный Сѣрко тутъ!
— Гдѣ? Гдѣ?
— Бей его!
— Скотину покусаетъ!
Сѣрко не ждалъ такой встрѣчи.
Одного парня онъ узналъ.
Онъ каждый день выгонялъ съ ихъ двора корову и былъ очень ласковъ къ Сѣрко.
Нѣсколько парней держали на готовѣ палки.
Чего они? Хотятъ меня бить?
Нѣтъ, нашъ знакомый не будетъ . . .
Онъ, ласкаячись, пошелъ прямо къ своему знакомцу.
— Бѣги, ребята!
— Пашка, бѣги!
Знакомый хлопецъ испугался и не зналъ, что сдѣлать — Сѣрко уже подходилъ къ нему:
— Укусить.
Не ударить! За что?
Но Пашка въ этотъ моментъ со страху такъ вытянулъ его палкой, что у несчастной собаки потемнѣло въ глазахъ и помутилось въ головѣ.
Ударилъ и бросился въ лѣсъ.
Сѣрко завизжалъ и побѣжалъ назадъ.

IV.

Спина болѣла, ѣсть хотѣлось и было боязно, что будутъ бить еще.
Домой рѣшилъ сегодня не идти.
Ужъ если ласковый Пашка ударилъ
За что?
Сѣрко не зналъ.
Болѣло тѣло и ныло внутри.
Вернулся опять въ лѣсъ.
Легъ подъ молоденькимъ ясенемъ.
Ѣсть!!
Онъ еще никогда не голодалъ подрядъ два дня.
Что тутъ можно ѣсть?
Пожевалъ травы, попробовалъ кору дерева.
Кого можно ѣсть — совсѣмъ не приходило ему въ голову. Привыкшій дома къ мукѣ съ водой, къ борщу съ саломъ, къ хлѣбу Сѣрко не зналъ и не имѣлъ желанія ѣсть кого — nibудь. Если ему попадалъ

иной разъ кусокъ мяса — Сѣрко, вѣроятно, и не подозрѣвалъ что эта вкусная штука вырѣзана изъ спины его бывшаго пріятеля барана Костика.

Раза два ѣлъ Сѣрко мясо забытыхъ косами зайцевъ.

Онъ чисто давилъ крысъ, но ѣсть ихъ — никогда!

Ловилъ жабъ, воробьевъ, но только для того, чтобы поиграть, и если въ тотъ моментъ, когда онъ шель съ воробьемъ въ зубахъ по двору — его звала баба ѣсть муку съ водой, онъ бросалъ задушеннаго воробья и мчался къ чугунку.

Въ лѣсу не было ни хлѣба, ни борща съ саломъ, а Сѣрко хотѣлось ѣсть, какъ никогда.

Мѣсяцъ поднялся уже достаточно высоко.

Мягкій, зеленоватый свѣтъ разливался по лѣсу.

Сѣрко все лежалъ.

Хотѣлъ заснуть, но голодъ мучилъ его и не давалъ закрыть очей.

Животъ подтянуло и въ горлѣ горѣло.

Посмотрѣлъ съ отчаяніемъ прямо передъ собою.

Лѣсъ шумѣлъ какъ въ прошлую ночь.

Гдѣ то плакалъ сычъ, словно дитя, которое потеряло свою няньку и теперь стоитъ посередь лѣсу, третъ перепуганные глаза рученками и кричитъ:

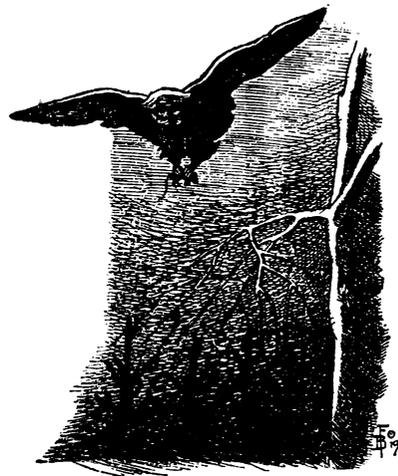
— Ма-а-мо-о-о! . . .

Словно рваный кусокъ чернаго платка вынырнула изъ темноты на свѣтъ мѣсяца летучая мышь и вновь скользнула въ лѣсную гущу.

— Пи-и-и, крикнула она.

Вотъ она уже въ воздухѣ, вотъ сова уже схватила ее когтями и, взмахивая безшумными крыльями, несетъ въ свое гнѣздо.

— Пи-и-и дрожалъ, угасая, умоляющій пискъ.

Но напрасно . . .

Не удивлялся Сѣрко этимъ звукамъ, какъ прошлой ночью. Онъ понималъ уже, что все это живыя творенія, его занимало теперь не то, какія они изъ себя видомъ и для чего они ночью шумятъ; онъ думалъ, глотая слюну:

— А что они всё здѣсь ѣдятъ?

Отвѣта на этотъ вопросъ онъ не находилъ.

Чтонибудь должны же они ѣсть?

Мучился, мучился и всталъ.

Поплелся межъ деревьями. Что ни шагъ, то сухой валежникъ трещить, будто стрѣляетъ. Передъ нимъ уже два раза снялась птица и кто то перебѣжалъ дорогу быстрѣе, чѣмъ онъ успѣлъ сообразить.

Нѣтъ, лучше лягу.

Пощипалъ траву. А корова Катька ѣсть? Да и Костикъ ѣлъ.

Закрылъ глаза.

Сонъ бѣжалъ отъ него.

Въ животѣ бурчало.

Лежалъ и жевалъ траву.

Мѣсяцъ свѣтитъ ясно. На небѣ ни одного облачка.

Сѣрко поднялъ голову.

Что то черное быстро-быстро катилось межъ деревьями.

Догоню!

Подскочилъ и бросился.

Если что нибудь бѣжало или катилось, Сѣрко всегда хотѣлось догнать — будь то даже рѣшето, уроненное бабой на землю и катившееся по двору — Сѣрко догонялъ его и валилъ лапой.

Мчался, прыгая черезъ кусты.

Нагналъ.

Сначала не разобралъ, что такое. Ткнулъ носомъ, накололся и завизжалъ:

— Ой-й-ой!

Это былъ его колючій врагъ — ежъ.

Съ досады залаялъ и самъ испугался. Его голосъ раскатился по лѣсу и разбудилъ всѣхъ.

Закаркала и захлопала крыльями ворона, закричали другіе сердитые голоса.

Сѣрко оставилъ ежа, поджалъ хвостъ и спрятался подъ кустомъ.

И ежъ тутъ въ лѣсу?

Онъ привыкъ видѣть его на огородѣ и лаялъ тамъ на него сколько хотѣлъ.

А ѣсть хочется!

Обнялъ морду лапами. Попытался заснуть.

Надъ ухомъ что то прожужжало — навѣрное майскій жукъ.

Треснула и упала сухая вѣтка.

Кто то свистнулъ.

Сѣрко насторожился.

Еще разъ, а потомъ словно хрюкнуло.

Шуршатъ листья.

Тихо.

Сѣрко опустилъ уши.

Подулъ легонькій передразвѣтный вѣтерокъ.

Поскрипывалъ ясень.

Изрѣдка падали на землю чуть слышные листья.

Нѣсколько упало на Сѣрко.

Онъ не пошевелился.

Заснулъ.

V.

Спалъ долго, пока во снѣ не почувялъ, что что то ползеть по носу.

Проснулся.

— А-ф-ф-ф! . . .

Скинулъ жучка.

Полежалъ, не шевелясь, нѣсколько минутъ, потомъ открылъ одинъ глазъ.

Мѣсяцъ еще плыль по небу, но уже начало свѣтать.

Въ сторонѣ что то захрустѣло.

Открылъ другой глазъ, повернулъ голову.

Шагахъ въ десяти отъ Сѣрко за кустомъ — молодая березка, а тамъ, подъ молодой березкой, стоялъ —

Забилось сердце и страшно захотѣлось ѣсть — стоялъ . . . заяцъ и чѣмъ то хрустѣлъ.

Правда, заяцъ былъ живой, и Сѣрко было неловко, но вкусъ заячьей головы онъ прекрасно помнилъ.

Утечетъ? Догоню.

Сѣрко глоталъ слюну. Захватывало духъ.

А заяцъ хрустѣлъ и хрустѣлъ. Отдиралъ отъ березки кору. Сидѣлъ на заднихъ лапахъ и хрустѣлъ зубами. Вдругъ насторожился, поднялъ уши и прислушался. Потомъ успокоился.

Сѣрко трясло.

Прыгну! Ухвачу зубами прямо за голову!

А побѣжить?

Поймаю.

Поставилъ тихонько одну лапу, за ней другую. Заяцъ спокойно ѣлъ подъ березкой.

Поднялся. Хрустнуло.

Ой, убѣжить!

Но заяцъ только разставилъ уши и повернулся спиной къ Сѣрко.

Теперь не увидить. Прямо за голову!

Сѣрко прыгнулъ.

Разъ! — не допрыгнулъ.

Заяцъ метнулся въ сторону.

Два! — перепрыгнулъ.

Наконецъ — угодилъ въ точку и упалъ всѣмъ своимъ большимъ тѣломъ на зайца.

Поймалъ.

Заяц выбивался изъ силъ, пытаясь вылѣзть изъ подъ собаки, но Сѣрко крѣпко давилъ его къ землѣ:

— Не утечешь!

Вскорѣ, однако, объяснилось, что положеніе Сѣрко совсѣмъ не завидное: поймать — поймалъ, а какъ его достать?

Подпихнуть морду подъ самага себя никакъ не возможно, встать — заяцъ убѣжитъ. Что тутъ дѣлать?

Сѣрко лежалъ, придавливая зайца, и скулилъ.

Зайцу посчастливилось наполовину вывернуться.

Онъ ударилъ Сѣрко задними ногами. Сѣрко завизжалъ и подскочилъ.

Перевернулся кругомъ.

Увидѣлъ.

Помчался.

Ось-ось, 'ось-ось — догонить!

Изъ за одного куста заяцъ не выскочилъ. Долго Сѣрко крутился около этого куста. Скулилъ, лаялъ.

Но заяцъ какъ въ воду кануль.

Сѣрко было отъ чего то неловко и жаль, и еще больше хотѣлось ѣсть.

Повизгивая потихоньку себѣ подъ носъ, затрусилъ онъ на старое мѣсто.

Можетъ тамъ — еще одинъ?

Подъ березкой обнюхалъ всѣ кустики, землю, гдѣ лежалъ заяцъ, самую березку, еще нѣкоторое время постоялъ въ раздумьи, а потомъ побѣжалъ на луга.

Было теплое утро.

Вѣтерокъ, задувшій ночью, притихъ. Прозрачный туманъ поднимался отъ лѣса и потихоньку тонулъ подъ лучами большого красного солнца, которое уже показало половину своего горячаго лица изъ за небосвода.

Сѣрко выбѣжалъ изъ лѣса и остановился.

Куда?

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ онъ сюда прибѣжалъ? Развѣ не все равно для него — въ лѣсу или на лугу?

Ѣсть нечего и тамъ и здѣсь.

А голодъ былъ такой, что отшибало память.

Поплелся лугами.

Его тянуло въ село.

Встали тамъ? Вѣроятно, уже выгоняютъ скотину въ стадо?

Сѣрку послѣ выгона всегда давали ѣсть.

Катилась слюна изо рта.
Животъ словно полонъ лягушекъ.
Ноги дрожать.
Ѣсть!!
Доплелся до задворокъ.
Повернуть домой? Добрая старуха дастъ ѣсть. Буду ѣсть цѣлый
день. И еще цѣлый . . .
А если будутъ бить? Вожжами, ухватомъ, вѣникомъ, больно-
больно
Сѣрко вздрогнулъ, а передъ глазами танцовалъ чугунокъ . . .
А можетъ? Можетъ не побоютъ? Третій день сегодня . . . Вѣро-
ятно забыли. Хотъ бы забыли!
Долго стоялъ онъ возлѣ калитки и наконецъ отважился.
А можетъ . . . не побоютъ? А можетъ и побоютъ, да не больно?

Чугунокъ все вытанцовывалъ передъ
глазами и довелъ Сѣрко до этого край-
няго „можетъ быть“.

Прыгнулъ черезъ плетень.

Побѣжалъ задворками.

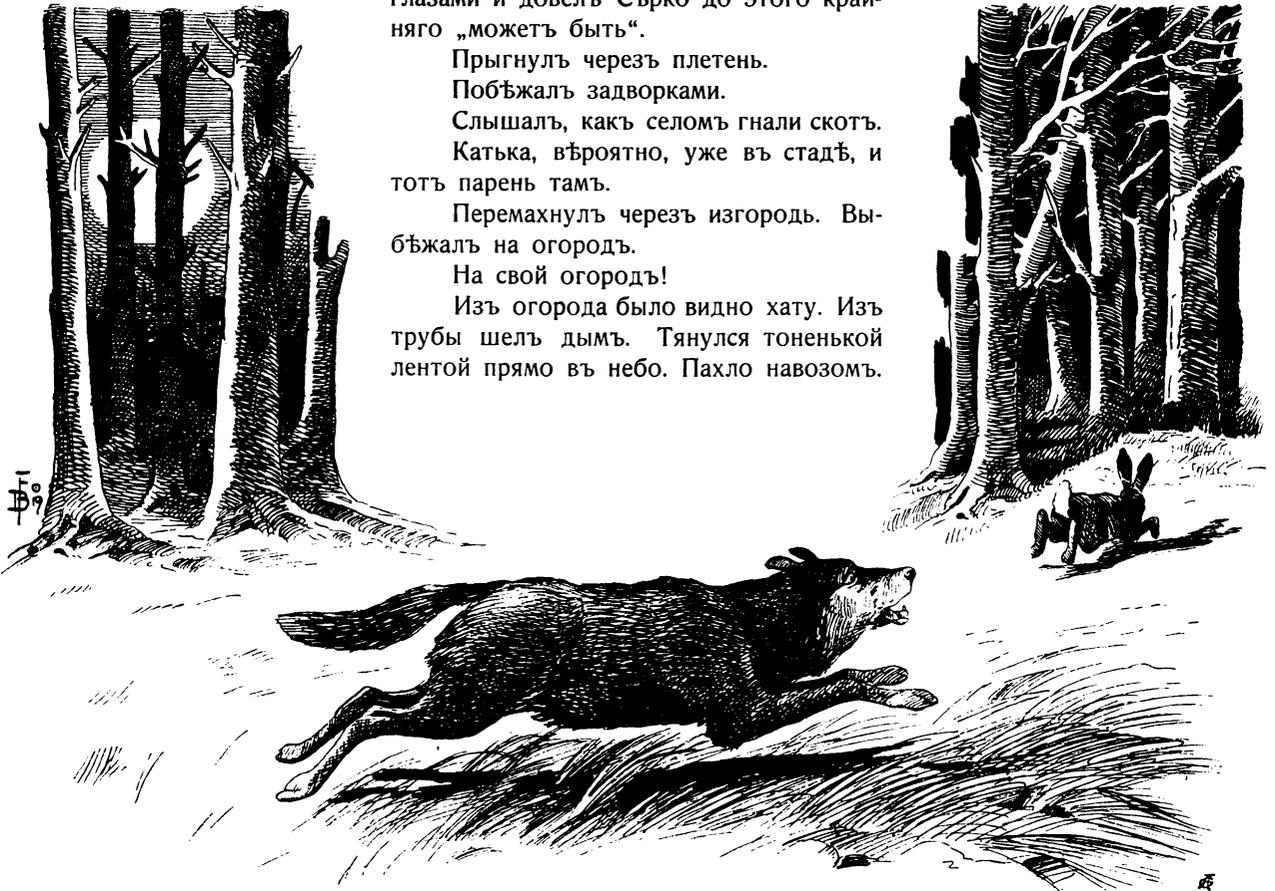
Слышалъ, какъ селомъ гнали скотъ.

Катька, вѣроятно, уже въ стадѣ, и
тотъ парень тамъ.

Перемахнулъ черезъ изгородь. Вы-
бѣжалъ на огородъ.

На свой огородъ!

Изъ огорода было видно хату. Изъ
трубы шелъ дымъ. Тянулся тоненькой
лентой прямо въ небо. Пахло навозомъ.

Сѣрко съ наслажденіемъ потянулъ запахъ.
Ѣсть!
По двору пошелъ шагомъ — онъ всегда по своему двору ходилъ шагомъ.
Сердце стучало.
Ой, побьютъ!
Просунулъ голову въ калитку.
Никого. Ворота зачѣмъ то растворены.
Вошелъ въ нихъ.
Стоитъ чугунокъ.
Кинулся. Сунулъ морду.
Пустой!
У Сѣрко упало сердце.
Пойти въ хату?
Тихонько подкрался къ дверямъ.
Открыты.
Вошелъ.
Сталъ на порогѣ и заглянулъ внутрь:
Ни души!
Двери въ комнату закрыты. Кто то ходитъ. Въ печи пылаетъ огонь, а . . .
Сѣрко, словно, огорошило по лбу. Онъ отскочилъ отъ дверей и бросился бѣжать:
— Возлѣ припечки стоялъ ухватъ, но не его испугался Сѣрко; около ухвата лежалъ . . . сломанный возокъ . . .
Возокъ!
Сѣрко въ голодѣ можетъ и забыть, за что его били.
Бѣжать!
А ѣсть?
Онъ отошелъ отъ хаты. Хотѣлъ еще разъ посмотрѣть въ — чугунокъ.
Можетъ быть, уже . . .
— Сѣрко, голубчикъ, любимчикъ!!!
Маруся кинулась изъ воротъ прямо къ Сѣрко. Онъ отъ неожиданности испугался, но дѣвочка обняла его за шею, ласкала и смѣялась.
— Голубчикъ! Гдѣ ты былъ, я плакала . . .
Сѣрко тоже обрадованный, счастливый отъ ласки Маруси, лизалъ ее и веселился собачьей своей веселостью.
Въ воротахъ показалась молодая женщина. Искала Марусю. Угля-дѣла Сѣрко и закричала:

— Боже мой! Бѣшенный Сѣрко!

Но Сѣрко не зналъ, что онъ бѣшенный и боялся только, чтобъ послѣ этого крика его не побили, а потому легъ на землю и, какъ всегда виноватая собака, поползъ на животъ къ бабѣ.

Маруся, увидѣвъ мать, побѣжала къ ней:

— Мама! Сѣрко вернулся! Голубчикъ вернулся! Соскучился обо мнѣ... Мы уже поцѣловались.

Молодая женщина со страхомъ подпустила Сѣрко къ себѣ.

Онъ былъ смирный, ползъ по землѣ, поглядывалъ такъ, будто что напроказилъ.

Можетъ быть, онъ совсѣмъ не бѣшенный? Нагнулась, погладила.

Сѣрко лизнулъ ее въ руку.

— Ну-ну, Сѣрко, ну, ну...

Маруся снова обняла Сѣрко.

— Мой Сѣрко, милый!

Сѣрко и позабылъ, что ему ѣсть хочется, забылъ отъ счастья, что его не бьютъ и онъ снова дома, но ему напомнила объ ѣдѣ старуха тѣмъ, что вышла изъ хаты и стала на порогъ.

Охнула и едва не упала отъ страха.

— Бабушка! Сѣрко вернулся — бѣжала и кричала Маруся, онъ совсѣмъ не бѣшенный.

Старая женщина съ недоувѣріемъ посмотрѣла на Сѣрко. Тотъ бѣжалъ слѣдомъ за дѣвочкой. Старуха замахала на него руками и подалась назадъ въ хату.

— Прочь отъ меня! Прочь!

— Не бойтесь, мама. Я сама думала, но Сѣрко здоровъ — успокаивала ее Марусина мать.

Наконецъ, добрая старуха повѣрила и съ удивленіемъ взглянула на Сѣрко. А Сѣрко посмотрѣлъ выразительно сначала на нее, потомъ на чугунокъ.

— Смотри! Правду говорятъ старые люди, что собаки знаютъ въ лѣсу какую то траву отъ бѣшенства. Вишь заслабѣлъ какъ!

У Сѣрка, дѣйствительно, подтянуло бока и животъ запаль.

Заглянулъ въ хату.

— Мама, Сѣрко можетъ ѣсть хочеть . . . , какъ всегда первая, догадалась молодая женщина.

Ага, насилу таки . . .

Сѣрко отъ нетерпѣнія заскакалъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, подожди, голубчикъ, — уговаривала его Маруся, бабушка сейчасъ принесеть.

Но бабушка не торопилась. Она рассказывала дочери про какого то Рябко, который взбѣсился, убѣжалъ и вернулся только черезъ два мѣсяца. Сѣрко что то ужъ очень скоро, всего — третій день. Можетъ онъ лучшую траву знаетъ? . . .

Сѣрко дернулъ ее за юбку.

— Выноси же скорѣй!

— Ну, ну, отмахнулась баба, но все-жъ таки пошла въ хату. Не спускалъ глазъ съ дверей, хоть Маруся и тянула его за шею подъ навѣсъ, гдѣ мать перебирала ягоды.

— Наконецъ то!

Льется въ чугунокъ.
Вырвался изъ рукъ Маруси. Долетѣлъ
стрѣлой, всунулъ голову.

Га!

Онъ, захлебываясь, подбрасывалъ куски
хлѣба, чтобъ скорѣе глотать.

Га! Какое наслажденіе — ѣсть!
Только — неужели уже . . . Такъ и есть —
дно!

Сѣлъ все до крошки.

Вылизалъ чугунокъ.

Поглядѣлъ на дверь.

Можетъ быть, еще?

Но подойти еще боялся.

Подъ навѣсомъ Маруся и мать. Что
они тамъ дѣлаютъ?

Поглядѣлъ еще разъ на чугунокъ,
потомъ на двери и пошелъ подъ навѣсъ . . .

IV.

А вечеромъ заходящее солнце опалило землю пожаромъ, на
облакахъ онъ заигралъ кровавымъ блескомъ.

Но понемногу загасали эти отблески, ушло солнце и на небѣ
синемъ блеснула веселая заря.

Стадо давно прошло.

Старуха уже подоила Катрю и собирала ужинъ.

Около хаты сидѣлъ Сѣрко, а напротивъ на завалинкѣ Маруся и ея
мать.

Тихо разговаривали, ожидая отца съ базара; всѣ трое ѣли подсол-
нухи и щелкали сѣмячками . . .

Оглавление.

	стр.
Найя изъ Джунглей	7
Морское чудовище	13
Смерть волка	26
Драма въ Неаполѣ	31
Три дня изъ жизни одной собаки	42

